ДМИТРИЙ
ГУБИН
под чертой
ОГОНЁК

Дмитрий Губин

Под чертой (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379456

Аннотация

Обозреватель «Огонька» Дмитрий Губин, ехидно фиксирующий, как Россия превращается в страну вотчинной автократии, зафиксировал сначала в своих текстах редакторские замены имени «Владимир Путин» на слово «государство», затем отказ публиковать тексты даже с «государством», а затем и предложение уволиться из журнала. Уволившись, он восстановил и собрал вместе сокращенные, измененные и отклоненные тексты, подведя черту и дав соответствующее название книге.

Содержание

От автора 5
1. Клик победы// 6
2. Время радиопассивности// 9
3. Старость не младость// 13
4. Книга не подарок// 16
5. Правила глянца// 19
6. Старики, разбойники// 23
7. По моему хотению// 27
8. Общество лоялистов// 30
9. В ожидании Альмодовара// 34
10. Воровать нельзя платить// 37
11. Темные аллейки// 42
12. Список Шиндлера// 46
13. Нюхнуть телеэфира// 49
14. Проклятье Гиппократа// 54
15. (ОБС)Ценный синдром// 60
16. Иммунитет к мошне// 63
17. Homo Postsoveticus// 66
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Дмитрий Губин
Под чертой

Опубликованное и зарубленное в «Огоньке»

77 текстов

2011–2014

Обложка: человек-заяц Алек Петук https://vk.com/alekpetuk, которому автор крайне благодарен за помощь.

От автора

Летом 2014 года я уволился (меня уволили) из «Огонька» – журнала, к которому меня периодически прибивало, как плавун к берегу, начиная с 1988-го, с большой эпохи, которой «Огонек» был провозвестник и пророк, а тираж достигал 5,000,000 экземпляров. Удостоверение мне подписывал Коротич.

Увольнение я разобрал его как кейс для студентов журфаков в своем ЖЖ (http://dimagubin.livejournal.com/175692.html). Если кратко – я к тому времени устал писать для издания, у которого в 2010-х не было никакой платформы, кроме невнятицы про «журнал семейных ценностей». Хотя типов семей к тому времени стало множество, от традиционной однополой (мама, бабушка, ребенок) до нетрадиционной.

Мне хотелось писать по-другому и про другое, нежели про «социальные проблемы» в ключе интеллигентского нарратива, за который, правда, всегда хвалил мои тексты щедрый на похвалы Быков. Однако этот повествовательный стиль измучивал меня, как тугая резинка в советских семейных трусах.

А моих коллег, сросшихся со своими трусами до переноса ударения, раздражало мое раздражение. И когда с главредов «Огонька» сняли Виталия Лошака, являвшего собой по типажу европеизированного зав. международным отделом ЦК КПСС, важными чертами которого были любопытство до чужого таланта и соблюдение правил гигиены, стало ясно, что мне долго не жить. Рубили уже не тексты, а темы.

Доходило до анекдотов. Собираясь в отпуск во Францию (любовь к этой стране подвигла меня уже взрослым выучить французский), я предложил написать про то, кто и какие русские книги покупает в Париже. Семейнее тему трудно придумать. «Мы это печатать не будем», – процедил сквозь усы человек, занявший место Лошака. Его раздражал я как таковой, а я в Париже раздражал особенно, а он не хотел, чтобы его хоть что-то раздражало.

В общем, вот вам сборник очерков, опубликованных и не опубликованных в «Огоньке» с 2011-го по 2014-й. Хронологически тексты продолжают вышедшую в издательстве Ивана Лимбаха в самом конце 2011-го книгу «Налог на Родину»: http://www.litres.ru/dmitriy-gubin/nalog-na-rodinu-ocherki-tuchnyh-vremen-2/.

«Налог на родину» завершается очень важным текстом «Интеллигенция и революция», который я тогда не смог опубликовать не только в «Огоньке», но и вообще нигде. Эта книжка также завершается важным текстом «Язык рейха и пена дней» (о том, как язык отражает общественные перемены), который тоже нигде оказалось невозможным опубликовать.

И в этом можно увидеть, конечно, утешительную стабильность.

ДГ

1. Клик победы// О том, в чем интернет не совпадает с Россией

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1606624)

Если завтра Рунет отделится от России, его президентом выберут Навального, министром культуры назначат Экслера либо Гельмана, а фоторепортаж обо всем этом сделают Варламов и Норвежский Лесной.

Впрочем, что это я глупости пишу – «если»? Рунет и так живет отдельно от России. Там читают ЖЖ «своего» Марата Гельмана, но никто не знает ЖЖ «чужого» министра культуры Александра Авдеева; там твиттер «своего» п*ер*зидента посылает твиттеру «чужого» п*пре*зидента издевательское: «Дмитрий Анатольевич, даже если м…к, из-за которого стоят «скорые помощи» – не вы, у меня для вас плохие новости».

Велико ли население Рунета? Одних блогеров 40 миллионов.

В каких отношениях Рунет с Россией? Холодной войны: то есть непрерывной атаки Рунета и ледяного молчания в ответ.

Россия со всеми своими федеральными вертикалями делает вид, что блоги и социальные сети – удел лузеров, графоманов, дурачков, которым делать нечего, как надув щеки, выстукивать по «клаве»: «Вот, решил завести ЖЖ. Пока не знаю, что написать. Всем превед!»

А Рунет потешается над Россией, где существует телевидение, рассчитанное на мозги хомячков, которым все равно не покажут обошедший Рунет клип, где кремлевский кортеж мчится по пустому Кутузовскому, а несколько «скорых», включая реанимобиль, дожидаются, пока им разрешат тронуться с места. Собственно, на этот клип *перзидент* России и намекал.

И хотя Россия реальная делает вид, что России виртуальной нет, она все чаще импортирует у Рунета новости, документы, фотографии, скандалы и разоблачения, потому что Рунет по своим каналам мгновенно передает информацию от своих добровольных репортеров, обозревателей, аналитиков, удивительным образом воплощая ленинскую идею о массовом корреспонденте. Например, Николай Данилов, известный как Норвежский Лесной, просто выкладывает в своем ЖЖ день за днем снимки, образующие мозаику жизни – и благодаря этой честной работе он популярен, как в свое время были популярны Картье-Брессон, Генде-Роте и Свищов-Паола, вместе взятые. (Один из последних снимков Лесного – городская улочка, на стене намалевано граффити «Россия для русских!», только «для русских» зачеркнуто и написано: «для людей»). А недавно в первые ряды фотографов Рунета стремительно – за пару месяцев – ворвался совершенный мальчишка Илья Варламов. Он сделал репортажи о лесных пожарах и о погромах на Манежной, а в перерыве – репортаж из кабинета Вячеслава Суркова, обильно обставленного номенклатурными кунштюками вроде «вертушек» АТС-1 и АТС-2. (Как попал Варламов к Суркову? Спросите Суркова: власть любит порой играть с талантами в поддавки, рассчитывая в будущем на взаимность). В реальной России, на федеральных телеканалах, такой репортаж разве возможен?

Рунет наступает не только потому, что выигрывает в оперативности: первые сообщения о взрыве в Домодедово (вместе с видеороликами) оказались в твиттере через пару минут: их передали прямо из аэропорта. А телевидение несколько часов молчало, поскольку вместо

новостей привыкло заниматься пропагандой, а пропаганда – это не когда ты делаешь новости, а когда тебе говорят, что и как делать.

Рунет наступает не только потому, что там нет цензуры, начальства, репрессивного аппарата, а также необходимости под шапкой «Единой России» обслуживать частные интересы людей, уверяющих, что они и есть государство.

Но и потому, что качество тамошних героев и кумиров – иного свойства, чем вне интернета.

Что такое кумир и герой в реальной жизни? Бизнес-продукт, созданный путем маркетинга, то есть упаковки и раскрутки. Перестаньте оплачивать рекламу – все, умер кумир. Возобновите оплату – и снова курилка жив. Деньгами смерть поправ.

Но мы еще не осознали, что каждой эпохе не просто соответствует своя информационная среда, но и что технические параметры этой среды отбирают, вышелушивают идеологию эпохи из нескольких возможных.

Расцвет консьюмеризма стал возможен – я убежден – благодаря свойствам ТВ, которое доносит картинку до миллионов, но исключает обратную связь, благодаря чему изображением легко манипулировать. Телевидение идеально для рекламы: все ярко, понятно, эмоционально – и никаких в ответ контраргументов. Телеэкран крив по своей физике, я даже не про умысел посаженных управлять экраном людей. И, кстати, прямые эфиры, предоставление слова оппонентам, опросы и голосования во время эфиров – это инструменты не либерализма, а исправления врожденной телевизионной кривизны. Телевизор – главный идеолог общества потребления, ему по природе свойственно информацию превращать в продукт: сиди, лопай и не возражай, потому что твое возражение все равно не услышат.

Интернет-среда – физически другая. Сила Рунета не в оперативности, не в мультимедийности, не в широте охвата, а в доступной мгновенно обратной связи. Социальные сети так популярны не потому, что дают возможность рассказать о съеденном завтраке и любимом коте. А потому, что подразумевают ответ, общение, спор, выстраиваясь по силовым нитям общих интересов. Герои, кумиры, любимцы и баловни интернета – от Божены Рынска до Татьяны Толстой, от Алекса Экслера до Антона Носика – это люди, прошедшие публичную проверку на вшивость. То есть подтвердившие, как минимум, две вещи:

1) что действуют ради идеалов и идей, а не меркантильного интереса;

2) что готовы к публичной критике этих идей – и, кстати, своего поведения.

Если вы заглянете на сайт к Алексу Экслеру (7 миллионов просмотров в месяц), то обнаружите там тьму обзоров электронных устройств, которые присылают Экслеру их продавцы и производители, но не найдете ни одного обзора (хвалебного или разгромного), который бы Экслер писал, кривя душой. Экслер – наш общерунетовский ОТК, по отношению к которому стать ОТК может каждый: для создания аккаунта в твиттере или ЖЖ денег не нужно.

Еще раз подчеркну: все думали, что интернет – это гаджет, игрушка, благодаря которой можно делать то, что раньше делалось посредством книг, прессы, радио и ТВ, только веселей и прикольней. А оказалось, что интернет – это обмен информацией во всех направлениях, и что это коллективный рентген для информации. Потому что среди миллионов пользователей легко находится тот, кому есть что сказать, и кто щелчком мыши уничтожает вруна. Причем уничтожить ответ уничтожителя невозможно: поисковые системы сканируют интернет-пространство, запоминая все. «Вечная память» – это про интернет.

Попытки игнорировать свойства среды обречены. Пару лет назад ЖЖ завел Виктор Алкснис – депутат и «красный полковник». Не знаю, что он при этом думал – может, всерьез полагал, что статус депутата и в интернете дает неприкосновенность. В блог же ему мгновенно накидали горяченьких комментариев. Алкснис в ответ грохнул кулаком и заявил, что подаст на хулителей в суд – это с точки зрения Рунета был жест до предела непристойный,

ибо в Рунете судят и рядят только словами. В итоге Алкснис из героя превратился в политический анекдот.

Пример посвежей – глава фонда «Федерация» Владимир Киселев, который, оправдываясь после скандала с якобы благотворительным концертом своего фонда, завел ЖЖ, наивно рассчитывая, что слова его не рассмотрят под лупой. Рассмотрели под микроскопом: выяснили, например, что концерт с Путиным и Микки Рурком прошел за три недели до официальной регистрации фонда. Что хотя на детишек денег так и не собрали, но фуршет с икрой и шампанским провели. И что Киселев врет, утверждая, что на банкете не был – стертые было фотографии как раз и выудили из памяти поисковиков. И что врун – минимальный эпитет, которым Киселева можно наградить.

Даже главный разоблачитель коррупции Навальный, хочет он или не хочет (надеюсь, хочет), должен принимать вызовы на публичные дискуссии.

И Толстая с Рынска должны, собачась, прояснять взгляды на мораль под обстрелом сотен комментариев, включая и те, что не дело дам публично собачиться.

Интернет – это тысячекратно усиливаемая глотка, но и, в качество противовеса, миллионы глаз.

У Димы Быкова есть такое стихотворение: «А мне никогда ничего не прощали. Ни юноша бледный, покрытый прыщами, ни старец в алмазном венце седины, – никто не давал мне платить в полцены. В расчет принималась любая ошибка, от запаха пота до запаха «Шипра», от крупных обид до таких мелочей, которых бы взгляд не заметил ничей». Это – про жизнь в интернете.

Собираетесь совершить в интернете подвиг? Будьте готовы и к чистке с песочком, и к промыванию косточек с мылом: может, поэтому Быков ЖЖ и не ведет, ограничиваясь романом «ЖД». Зато в отношении тех, кто прошел песок, мыло и электронные трубы, можно сказать следующее: ими руководят идеи, а не материальные интересы; они слушает всех, но и подотчетны всем; и все равны, и всеми движет справедливость.

Кажется, за это и шли на баррикады в 1991-м.

2011

2. Время радиопассивности// О том, когда и от какой болезни умрет радио и что его заменит

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Два мира – два эфира» http://kommersant.ru/doc/1611288)

В конце апреля прекратила вещание на русском языке Всемирная служба Би-Би-Си. В России к этому отнеслись примерно как к случившейся в те же дни смерти Элизабет Тейлор.

Ну да, были времена, красавица блистала – и миллионы человек с ума сводила. Кончилась эпоха. Кто сейчас слушает сквозь треск коротковолновых помех Севу Новгородцева? Кто готов смотреть «Клеопатру»?

Би-Би-Си вещала на русском с 1941-го. Век радио, получается, короче женского. Русское Би-Би-Си теперь живет на сайте в интернете – и руководит им молодой парень Дима Шишкин, который и до кресла босса занимался не эфирами, а BBC online, то есть интернетом.

«Были бы у Би-Би-Си в России fm-частоты, пожили бы еще», – пожимают плечами те, кто немного разбирается в радио. (А те, кто в радио разбираются хорошо, знают, что fm-частоты иностранному вещателю в России получить нельзя, поскольку радиостанция, на которую в принципе нельзя нажать из Кремля, представляет угрозу Кремлю, называемую «угрозой информационной безопасности России». По перестройке многие российские станции с охотой ретранслировали Би-Би-Си и «Свободу» – это качественное радио; в 2000-х после нескольких скандалов и угроз отнять лицензии с этим было покончено).

«Да и на fm-частотах они трепыхались бы в самом низу рейтинга, как какое-нибудь радио «Орфей». Музыки нет. Проблемы обсуждают мировые да европейские. Кого, блин, в России волнует резня в Дарфуре? Два прихлопа, три притопа – на каждую точку зрения нужен оппонент. Не наш менталитет», – уверяют коллеги в руководстве государственных радиостанций, многие из которых раньше гоняли в Лондон с завидной частотой, и в Бушхаусе, штаб-квартире Всемирной Службы Би-Би-Си, подписывали договоры о сотрудничестве.

На все это и правда нечего возразить.

Но добавить кое-что к этому можно.

Дело в том, что Русская служба Би-Би-Си не столько умерла, сколько пошла по пути, который предстоит большинству российских станций, царствие им интернетово.

Эти станции живы лишь потому, что у нас всюду на дорогах пробки, а в автомобилях – радиоприемники для fm-частот. Очень быстро эта технологическая схема кардинально изменится и изменит текущие рейтинги, которые при ознакомлении с ними наивной души заставляют душу вопить нечто вроде: «России больше не жаль!»

* * *

Ознакомьтесь: сегодня в Москве в fm– и УКВ-диапазонах вещают 5 десятков радиостанций, что само по себе анекдот. В Лондоне, с его куда более жирным рекламным пиро-

гом, радиостанций двое меньше, причем туда входят и локальные станции, с маломощными передатчиками, обслуживающие community, сообщество одного-двух районов. Получается забавно: начав утренний джогинг в Кенсингтон-гарденз, слушаешь живой концерт шумовой музыки (бутылки с водой, пила, крышки от кастрюль) для жителей Бромптона и Кенсингтона. А добегаешь до Гайд-парка – все, кончились кастрюли, ищи на другой частоте прелюды Шопена для жителей Мэйфера…

Так вот, самые популярные в Москве радиостанции, согласно рейтингам компании TNS, которую многие по-старинке зовут «русским Гэллапом», – «Авторадио», «Русское Радио», «Шансон», «Европа Плюс», «Ретро FM». В Петербурге (30 станций) – с огромным отрывом «Дорожное радио», далее «Европа Плюс», «Ретро FM», «Русское радио», «Авторадио». В целом по России – «Европа», «Русское», «Авто», «Ретро», «Дорожное».

Причем стремительный взлет питерского «Дорожного радио» показателен. Не знаю, дорогие товарищи, приходилось ли вам хоть раз эту недавно созданную станцию слышать. Так вот, представьте, что с «Шансона», «Русского», «Ретро» и «Авто» взято самое вторичное, вульгарное, бандитское и неизменно связанное с бандитским сентиментальное, – и получите «Дорожное». «Наш свадебный салат, Платье подвенечное И этот сервелат Буду помнить вечно я. Эх, два кусочека колбаски У тебя лежали на столе; Ты рассказывал мне сказки, Только я не верила тебе». Что называется, гигиенический пакет находится в спинке впереди стоящего кресла.

Я знаком с Сергеем Ямщиковым – одним из создателей «Дорожного радио» и его вице-президентом. Поверьте, это интеллигентнейший человек, трудоголик, способный часами рассказывать, как запускаются в ротацию песни на основе тестирования в фокус-группах. Мне показалось, что он сам слегка ошеломлен тем, с какой силой проект радио для дальнобойщиков стал популярнейшей помой… в смысле, столовкой, в которой, похрюкивая, причмокивая и требуя очередного кусочека колбаски, кормится полстраны. Нет-нет, я не подвергаю сомнению права пацанов на «КАМАЗах» любить песню «Шашлычок под коньячок – вкусно очень», но и оставляю за собой право думать об этом то, что я думаю. Когда я спросил Ямщикова, понимает ли он, что за «Дорожное» ему в аду уготована самая жаркая сковородка, если только он не создаст радио атональной музыки, – Сергей Владимирович, отводя взгляд, ответил, что да, над одним некоммерческим проектом они сейчас думают, – в общем, битва за душу Фауста покуда идет.

Так вот, все эти свидетельства популярности радиостанций с дурной и попсовой музыкой, включая, на мой вкус, и «Европу Плюс», где крутится только то, что гарантированно приносит деньги, я привожу не затем, чтобы ужаснуться тому, что с русскими людьми случилось за последние 10 лет. Хотя ужасаться следует тоже.

А затем, чтобы подчеркнуть изменения самой аудитории радио. Молодые, прогрессивные, продвинутые, образованные и прочие люди сегодня радио не слушают вообще, – точно так же, как не смотрят федеральные телеканалы. Остановите студента или старшеклассника с «бананами» в ушах – у него играет не радио, а mp3-плеер, где записан, может быть, даже подкаст, то есть выложенная в интернете программа (мои подкасты, например, есть на портале «Подстанция»: http://www.podst.ru/blogs/123/). Людей, сформированных свободным выбором – хотя бы между плеером и радио – мало интересуют российские станции, заточенные под бюджеты рекламодателя, а не мозги слушателя, работающие под объединенным (включая и редкие станции джазовой и классической музыки) девизом «Передаем только то, подо что танцевала еще твоя мама» (у битлов была такая песенка, Let’s all get up and dance to the song that was a hit before your mother was born, – знали бы они!)

Радио сегодня – удел бомбил на «жигулях», водителей маршруток, дальнобойщиков, проводников в поездах дальнего следования и домохозяек всех возрастов, прикованных к

кухне, где между кастрюлей и сковородкой скворчит из древнего репродуктора «Радио России» (десятая часть всех радиослушателей Москвы и седьмая – Петербурга, кстати).

А ощущение, что «радио слушают», возникает, поскольку есть пробки и есть автомобили с радиоприемниками, которые волей-неволей от пробочной тоски приходится включать (но тут картина другая – автовладельцы нередко предпочитают информацию и новости музыкальной попсе: вот почему у «Эха Москвы» в столице шестая по объему аудитория).

Но, скоро, повторяю, и это изменится. Все пойдет – и все пойдут – в сторону Би-Би-Си.

* * *

Куда пойдут?

А поговорите с моей женой, она расскажет.

На день рождения я подарил ей айфон, и вскоре она уже рыдала от подарка в два ручья, и отнюдь не слезами счастья. Дело в том, что мы с женой по утрам бегаем, и она во время бега вокруг Петропавловки слушает то джазовое радио «Эрмитаж», то «Эхо» (я сам предпочитаю аудиокниги). А в дорогом и дико технологичном айфоне функции радиоприемника не оказалось. Совсем. Хотя она есть даже в самых дешевых мобильниках за 700 рублей.

Жена рыдала до тех пор, пока не поняла, что вместо 30 питерских радиостанций может на айфоне выбирать из 3 тысяч станций, или даже, бог его знает, из 300 тысяч. Айфон принимает радио через интернет, а там любые мелодии и ритмы, новости и языки, хочешь – слушай ча-ча-ча 70-х, а хочешь – атональщика Шёнберга, хочешь – BBC Radio 4 на английском, хочешь – Telerama Radio на французском. Я себе айфон покупать пока жмотничаю, но дома давно слушаю радио только через интернет: программа iTunes настроена на 30 штук только блюзовых станций (а помимо iTunes, есть сотни транслирующих программ).

И эта ситуация свободного выбора меняет все положение дел на радиорынке, уничтожая рынок «форматных» станций и образуя рынок идей. Дайте только развиться быстрым сотовым сетям 3G, позволяющим качать звук через интернет, а автомобилям обзавестись интернет-приемниками. Это быстро очень произойдет: наверное, быстрее, чем музыка с CD перекочевала на флэшки.

Когда радиостанция «Вести ФМ» разорвала со мной контракт по причине (их версия) «эстетических разногласий», я получил несколько предложений профинансировать создание собственной станции. Я поблагодарил, но отказался, объяснив, что эфирное радио требует гигантских затрат, лицензий, частот, к чему прилагается пристальный взгляд из-за стены с зубцами (некоторые руководители действующих радиостанций говорили напрямую: «Мы с удовольствием бы дали тебе прямой эфир, но боимся проблем»).

А как только приемники, подобные айфону, будут в каждой второй иномарке, – я с удовольствием предложение приму, и буду вести утреннее шоу по интернет-радио прямо из квартиры, сидя на табуретке на кухне, и еще посмотрю, у кого будет выше рейтинг, у меня или у «Вестей».

* * *

Хочу заверить вас, что все описанное не фантастика и даже не прогноз: это реальность, выглядящая фантастической только для тех, у кого нет интернета, который представляет собой не столько технологию, сколько философию индивидуального свободного выбора.

Вот это торжество идеи частного, честного и свободного выбора и оценили, как мне кажется, на Би-Би-Си, закрывая эфирное вещание. Время директивного и селективного распределения информации – официозной или неофициозной – прошло. Я знаю, что у Би-Би-Си сейчас сокращение бюджета, сокращение штата, и вообще предстоит переезд из истори-

ческого Буш-хауса в новое здание, – но это все же повод, а не причина. Если твоя миссия – честное, беспристрастное, объективное распространение информации, то реализовать ее сегодня можно куда дешевле, проще, технологичнее.

К этому, кстати, приходят и на других зарубежных информационных распределителях – «Немецкой волне», «Свободе», «Голосе Америки» (там эфирное вещание прекратили в 2008-м). Формат распределителей и приемников устарел. Дневная аудитория маленькой московской радиостанции «Финам ФМ» составляет всего 100 тысяч человек. Однако когда там прошли дебаты Навального с единороссом Федоровым, в которых Федоров был показательно бит, запись через интернет прослушало еще около 700 тысяч человек.

А потому я с садомазохистским удовольствием слежу за тем, как из российского бюджета – то есть из моего кармана – выделяют очередные безумные миллионы на очередной информационный распределитель с целью, как водится, создания положительного облика страны за рубежом.

Два мира – два эфира.

Есть сомнения, кто победит?

2011

3. Старость не младость// О том, как в России проходят границы между поколениями

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1610557)

Меня спросили, можно ли отнести Алексея Навального к поколению «молодых политиков». Я расхохотался сразу по двум причинам (вторая – что Навальный сейчас всюду: утюг включишь, а там Навальный). А потом бросился к книжной полке.

Меня давно занимал вопрос о поколениях.

И, верно, не меня одного.

Журнал GQ лет шесть назад – а это журнал, как парус, чуткий к ветру моды – делал целый номер про поколения. Мне пришлось отдуваться за свое. Простите, товарищи дорогие: не нашел ничего лучше как написать, что ни с каким поколением связать себя не могу (и это правда было лучшим, что я мог написать). А потом промямлил, что-де мой 1964-й год рождения был последним вагоном брежневского поезда, в тамбуре которого мы могли безопасно корчить рожи режиму, любуясь полоской зари, называемой словом «Запад». Мы лихо, на полном ходу, в старших классах проскочили между двумя партсъездами («исторические решения» одного уже канули в Лету, а другой «исторический» еще не случился), и нам почти не пришлось зубрить муть про «коллективную мудрость ЦК КПСС и лично Леонида Ильича». Фраза же «исторически не сложилось» среди однокурсников долго ходила в качестве отмазки, чтобы не вдаваться в детали, отчего не пришел на первую «пару». Нас даже в армию не забрали с учебы, как загребли следующие курсы, где были Димка Быков и Саша Терехов (последнему армия позволила написать книгу «Это невыносимо светлое будущее» – сильнейший путеводитель по аду, где из несформированных людей делают окончательных мразей, называя это «превращением в настоящих мужчин»).

Ну и что? Что объясняют год рождения и вешки времени на нашем пути? Моими однокурсниками были и Дима Рагозин, и Сережа Пархоменко, так у них лишь воспоминания общие, даром что оба учились на международном отделении. А в системе идей и в методе рационализации действительности, то есть ее приручения (ну, это как Менделеев своей таблицей приручал химический хаос) – в моем возрастном срезе общности никакой.

Хотя до этого поколения, сменяющие друг друга, то «физиков и лириков», то «дворников и сторожей», не говоря уж про «шестидесятников», делали это с убедительнейшей очевидностью. Которую подтверждало даже внутреннее деление на диссидентуру и слуг режима: конечно, это были враги, но враги в одной системе координат.

И редкой точности поэт Давид Самойлов, называвший круг поэтов, навсегда сформированных войной (Левитанский, Слуцкий, Окуджава) «поздней пушкинской плеядой», не просто так возвращался к своим знаменитым «сороковым, роковым». И под конец жизни называл менявшие друг друга времена «пятидесятыми полосатыми», «шестидесятыми дрожжевыми», «таинственными семидесятыми», «восьмидесятыми межевыми». И – мое ухо слышит – точности в последних определениях не находя. Потому что правило смены поколений при Горбачеве дало трещину. И это мне кажется важным подчеркнуть.

Второе, что важно – это что границы поколений у нас пролегали не по годам рождения, а по другим межам: я, например, долго (и ошибочно) считал, что по профессиональным –

типа, «поколение молодых физиков». Мы ведь легко называем отметившуюся книжечкой женщину под 30 «молодой поэтессой», хотя этому юному дарованию поздно участвовать даже в программе льготного кредитования молодежи. Или, вон, режиссер Звягинцев был зачислен в «молодые» после фильма «Возвращение», когда ему стукнуло 39! Мы с ним ровесники, – но меня «молодым журналистом» отчего-то четверть века как не зовут.

А третья важная вещь – это то, что в европейских странах такой поколенческой сепарации, как у нас, я не наблюдал. Даже 1968-й во Франции был, как меня уверяли, годом перелома идей, а не молодежного бунта: просто студенты выходили на улицы, а их родители переживали смену эпох, оставаясь дома с газетой. Европейская тусовка вообще в возрастном плане куда более разнообразна, чем наша: в кафе, в ресторане, в клубе, в горах aprѐs ski, – все вперемежку: и стар, и млад. Однажды в Куршевеле в разгар «русского сезона» в торговой галерее я встретил роскошного седовласого господина: он неспешно проплывал мимо витрин, куря сигару, с белым бульдогом на поводке. Ночью я увидел его за диджейским пультом в клубе: он был, оказывается, резидентом парижского Buddha Bar – вертел диски, чем в России занималась исключительно молодежь.

Словом, повторяю, российские стратификация и смена поколений (нередко мучительная – взять «шестидесятников», одним махом из романтических мечтателей перескочивших в «демократы с кашей в бороде»), есть некий феномен, одного плана с «молодыми дарованиями», которым может быть сколько угодно лет. (Да-да, совсем забыл: «поздняя пушкинская плеяда» Самойлова-Левитанского-Слуцкого была «молодой» по отношению к Евтушенко-Вознесенскому-Рождественскому, которые после стадионного успеха мигом стали взрослыми поэтами). И я – как, возможно, и вы – все пытался феномен разъяснить, и ходил кругами, да как-то мимо.

И вот, после вопроса о «молодом политике Навальном», какая-то логическая цепочка замкнулась. Хотя понятно, что словосочетание «молодой политик» в нынешней России само по себе смешно. Кто у нас реальные политики, то есть идеологические выразители экономических интересов – я понятия не имею, они скрыты во тьме такой, что меркнет Мордор. Видны лишь их проекты, скажем, молодые спортсмены-чемпионы в Думе: Кабаева, Сихарулидзе, Хоркина. Крайне дисциплинированные и действительно юные (большой спорт нередко консервирует своих героев в психологическом развитии на уровне подростков: таков и симпатичный отчаянной искренностью Антон Сихарулидзе, но таков и Владислав Третьяк). Видимо, кто-то из тех, кто скрыт во мраке, тоже подметил это и создал проект «молодые чемпионы в «Единой России», но это не поколение, а просто проект. Который будет существовать столько, сколько это потребуется Тому-Кто-Скрыт, или столько, сколько просуществует сам Тот-Кто-Скрыт.

А когда цепочка замкнулась, я, повторяю, побежал к книжной полке. Недавно питерское «Издательство Ивана Лимбаха» (славное тем, что тщательно отобранные книги выпускает на исключительного качества бумаге) издало сборник старых, «перестроечных» статей социологов Льва Гудкова и Бориса Дубина из «Левада-центра». Некоторые статьи устарели до степени исторического свидетельства, но многие оказались как вчера написаны. Листаю – ага, вот.

«Для человека с чувством исторического времени… поколение существует только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в письменной культуре; те же, кто по тем или иным причинам этого не совершил, не стали поколением и до сих пор остаются молодыми, несостоявшимися. Поэтому… иные сорока-пятидесятилетние авторы доныне называемы и называют себя молодыми, ведь они только «входят» в литературу, в культуру».

Статья называлась «Литературная культура» и посвящалась анализу книгоиздательства в СССР: Госкомиздат, верховный распределитель, невольно задавал рубежи, отсчиты-

вая возраст поколений от первой публикации, а шире – от первого разрешения выйти на публику.

А возрастная общность была способом добиться такого разрешения, поскольку добиваться чего-то проще не в одиночку, а толпой. Гудков с Дубиным вообще интересно объясняют механизм отечественной истории, когда все перемены совершатся всегда скачком и непременно «сверху». Он напоминает работу двухтактного двигателя. На первом такте молодое поколение впитывает новые идеи, которые негде выражать, потому что на информационных распределителях сидит поколение ретроградов-стариков. Потом, когда старшее поколение вымирает, следует второй такт: меняется руководство распределителей, и слово в одночасье дается «своим». И так поколение за поколением, век за веком.

Мой год рождения не стал поколением, потому что рухнула система распределителей, и «молодыми» оказались разом все, которому было что сказать. В «ровесниках» оказались и Быков, и Губерман, и Лев Лосев. Оказалось, новые идеи могут проникать в общество в индивидуальном порядке.

А потом, когда политический и телевизионный распределители восстановили (телевизионный – как департамент политического), стало казаться, что российская скачкообразность истории восстановлена тоже. Отсюда и уныние, ставшее чуть не массовым среди вполне успешных людей: «Господи, снова как при Брежневе… Сколько лет еще будет Путин? Эдак мы умрем раньше, чем он!»

Политик Навальный, которого не записать ни в юное, ни в молодое, ни в зрелое, ни в старое поколение, и у которого есть только свой личный возраст – возможно, самое приятное свидетельство того, что прежней скачкообразности уже не будет. Информационная среда другая, и этой средой вполне можно пользоваться. И значит, что русское общество – довольно отсталое и социально, и культурно – может развиваться куда более плавно, вне поколенческих смен.

В конце концов, «всякая стадность – прибежище неодаренности, все равно верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно».

Соловьев имеется в виду Владимир, но не Рудольфович.

Цитата все-таки из «Доктора Живаго».

2011

4. Книга не подарок// Об опасности преклонения перед литературой

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Читать не вредно» http://kommersant.ru/doc/1628793)

Литературоцентричность и вера мыслящих русских людей в художественное, так сказать, слово вовсе не означает силу русской мысли. Поклонение литературе, как и пресловутая «духовность», скрывает, с моей точки зрения, пустоту.

У одного парня в нашей петербургской компании был день рождения, мы скинулись на электронный ридер, и меня попросили составить список книг, которые в подарок следует закачать, дабы даримое персонифицировать. Тоже мне, вопрос! Из наших: Улицкая, Пелевин, Терехов, Быков, Сорокин, Шишкин, плюс малоизвестный, но входящий в моду Аствацатуров. Из ненаших: Мишель Уэльбек, Агота Кристоф, Брет Истон Эллис, Орхан Памук, Роберт Харрис. Когда список был закончен, мне сказали: «Ты молодец! А мы вот загниваем, так мало читаем, так стыдно…»

Это ужасно, – то, что мне сказали. То есть ужасно не то, что люди мало читают, а то, что полагают чтение художественной литературы обязательной отметкой правильной и, не сомневаюсь, духовной жизни. Русские образованные люди невероятно литературоцентричны. И невероятно этим гордятся. Кто «Каштанку» не прочел – тот не человек. Книга – учитель жизни. Литература – оплот морали. Нам же с детства внушали, разве не так?

Да абсолютно не так! Литература не влияет на общественную мораль, – иначе бы нация, воспитанная на Гете и Шиллере, в XX веке не утопила полмира в крови, а нация, впитавшая с молоком матери белозубые стишки Пушкина, плюс романы моралиста Толстого, не плодила бы рабов и не занималась бы из века в век самоуничтожением. Те люди, которые сегодня пущены во власть, и по сравнению с которыми нравственностью обладает даже крышка от унитаза – они на чем воспитывались? На «Вишневом саде», на «Преступлении и наказании», на «Капитанской дочке». Береги честь смолоду, тьфу. И даже если они терпеть не могли угрюмую и назидательную школьную литературу, то наверняка читали под партой Булгакова и Стругацких. Нет в России сегодня во власти человека в возрасте под пятьдесят, который бы не уронил слезу над «Мастером и Маргаритой», «Над пропастью во ржи» и не восхитился бы «Пикником на обочине». Нет сегодня в России во власти человека, руки которого не были бы по локоть в деньгах или дерьме, что, в рамках современной национальной парадигмы, примерно одно и то же.

То есть Пушкин, Толстой, Достоевский – никакие не учителя, а отобранные властью авторитеты, играющие в жизни ту же роль, что и каменные львы у особняка вельможи. «Пушкинтолстойдостоевский» – это продукт централизованного распределителя. А альтернативный список (где, условно, Солженицын, Платонов, Бродский, и который на моих глазах превратился в список официальный) – это продукт фрондерствующего ума, состоящий в желании видеть у особняка вместо львов скульптуру Генри Мура или Осипа Цадкина, при этом не подвергая сомнению систему, где есть место вельможам и особнякам. Наша оппозиция так и ненавидит власть, что боится от нее оторваться. Она бы, несомненно, хотела видеть во власти немного других людей – более европейских, милосердных, меньше ворующих или пацанствующих, вообще эстетически других – но ужасно не хотела бы лишать

власть сакральности. В книге журналистки Елены Трегубовой «Записки кремлевского диггера» есть прелестный эпизод. Елена входила в кремлевский журналистский пул, знакома была с сильными мира, ужинала в японском ресторане с Путиным, а потом за длинный язык пострадала, причем всерьез, и однажды обнаружила в своем подъезде бомбу, после чего уехала по обычному русскому маршруту в Лондон, за что ее не упрекнуть… Ну, а в пору, когда она еще запросто ела с Путиным сашими, она как-то раз проспала рейс, и, понимая, что непоправимо опаздывает на самолет, позвонила Борису Немцову, пребывавшему в вице-премьерах. И Немцов, на джипе с мигалкой, повез девушку в аэропорт чуть не по встречке, – и, ура, успел. То, что никому не гоже гонять с нарушением правил движения; то, что проспавший рейс человек должен покупать новый билет; то, что про случившийся конфуз лучше помалкивать, ибо, как минимум, подставляешь своего спасителя, – автору оппозиционных текстов в голову не пришло. Тут эстетическая оппозиционность: Немцов лично за рулем – хорошо, а тысяча чиновников с шоферами и мигалками – плохо…

Впрочем, это я отошел в сторону от темы, хотя и недалеко.

Идея стандартизированного распределения – когда перед виллой непременно по льву, и в саду фонтан в виде девушки с кувшином – у нас распространяется и на искусство, а точнее, на жанры. Высокие жанры – литература, живопись, театр (где Большой всегда главнее Малого); так повелось, так одобрено. А вот сообщения в твиттере, видеоарт, уличные инсталляции или какая еще хрень, вроде группы «Война» – это хрень и есть.

На художественную литературу, на то, что в английском очень точно называется словом fiction, «фикция», «вымысел», в России вообще навешено ярмо формулирования смыслов, хотя литература, как и театр, как и кино, вещь эмоциональная, это все такие доступные наркотики, быстро и качественно переводящие в иную реальность, причем с минимальным отходняком. Прочитав «Живаго» или посмотрев «Трехгрошовую» в постановке Серебренникова, можно испытать сильное потрясение, можно сопоставить иную реальность со своей жизнью, и этой разностью потенциалов зажечь, как искрой огонь, новый смысл, – но собственно практического смысла, который можно применить к своей жизни, объяснить происходящее, на основании которого можно сделать прогноз, в литературе и театре столько же, сколько в живописи или скульптуре.

Прямым формулированием смыслов занимается не искусство, а наука, от философии и математики до, не знаю, геологии и энологии. Они превращают царящий хаос с систему. Менделеев с точки зрения разума куда более значителен, чем Пушкин. И если мы живем в стране, где не знать Пушкина стыдно, а периодическую систему элементов не знать можно, – это значит, что Пушкин используется как прикрытие.

Например, как прикрытие той простой вещи, что не может в стране быть никакой национальной идеи, что все «национальные идеи» – это выдумки лакеев, обслуживающие даже не власть как таковую, а вполне конкретных людей, стоящих у власти. У стран не бывает идей. У стран не бывает смыслов. У стран бывает эстетика – эстетика свободы в США, гедонизма во Франции – позволяющая людям индивидуально определять и находить собственные идеи и смыслы (я где-то прочитал довольно точное замечание, что если русский интеллектуал ставит вопрос «В чем смысл жизни?», то европейский интеллектуал задается принципиально другим вопросом: «Если факт конечности жизни доказан, то какими смыслами я могу ее наполнить?»)

Не надо искать национальную идею.

Не надо биться лбом о поиски общего смысла.

Не надо видеть в литературе учителя жизни – чему может научить «Анна Каренина», кроме идеи, что жизнь в браке может быть несчастлива, но вне брака счастья и вовсе нет (в этом и без Толстого убеждены девять из десяти разведенных русских женщин?)

Наделение литературы несвойственной ей функцией – это трюк, позволяющий прикрывать собственную слабость, нежелание упорядочить хаос, нежелание искать собственный смысл, хотя бы и профессиональный. Идея, что всякий приличный человек должен прочесть Чехова, привела к тому, что у нас любой сантехник рассуждает о «Каштанке», но ни один не может быстро и качественно починить унитаз. Наделение отечественных писателей функцией носителей национального самосознания – это прикрытие провинциальности нашей страны, оторванности России от глобальных мировых процессов.

Хотите понять, как идет мировой литературный процесс? Загляните в список последних двадцати нобелевских лауреатов в области литературы – вам как, лауреатские имена, от Видиадхара Сураджпрасада Найпола и Имре Кертиса до Герты Мюллер и Марио Варгаса Льосы, известны? Вы хоть строчку у них прочли?

Хотите найти собственный смысл, то есть собственную цельную картину мира? Читайте, но не финалистов «Букера» или «Большой книги», не Найпола или Льосу, а Хокинга, Хантингтона, Дюмона, Докинза, Делеза, Даймонда, Пайпса, Фалаччи, Болла, Блэкмор, Бадью, Брюкнера, Шеннана, Фукуяму (ну, и сколько имен из перечисленных вам опять же известно? – могу накидать еще пару десятков). А тут уж люди напрямую работают со смыслами, от квантовой физики до истории!

Следует ли из этого, что Пушкина следует в очередной раз сбросить с корабля современности, а Сорокина спустить в канализацию, как это уже проделывало движение «Идущие вместе»?

Да боже мой, конечно же, нет! Нет ничего утешительнее чтения стихов во время депрессии. И я получал тончайшее наслаждение, читая сорокинское «Голубое сало». Просто я сейчас о другом. В той компании, где мы скидывались на ридер, люди разных профессий – винный торговец, глава автосервиса, торговец тканями, ресторатор… Все они – профессионалы высокого ранга, и я этому искренне радуюсь. Чтобы стать таковыми, им пришлось перелопатить море информации. В том числе и письменной. Просто они этот процесс не называют чтением. Чтение для них – это когда Пелевин или Уэльбек.

Я хочу сказать, что мои отношения с ними – и мое безусловное уважение к ним – не основывается на их эмоциональных пристрастиях, на том, любят они Рокуэлла или Веласкеса, предпочитают односолодовый шотландский виски или новозеландский совиньон блан. И уж тем более не на том, читают они fiction или нет, потому что даже вторую свою функцию – создание культурных кодов, системы распознавания «свой – чужой» – художественная литература в наши дни выполняет все хуже и хуже, и слава богу, потому что много других распознавательных систем, а разнообразие витально.

И я рад этому процессу – десакрализации художественной литературы, потому что за этим стоит постепенная десакрализация Верховного Распределителя, этой столь утешительной для многих и столь вредной для развития страны идеи. Толстой как моя личная функция в мильоны раз выше Марининой или Бушкова, но как современная общественная функция он в разы ниже романов типа «Как я влюбилась в начальника», позволяющих женщинам с советским конторским прошлым адаптироваться к офисной реальности (так, кстати, и мыльные оперы позволяют нашим мамам и тещам примиряться с действительностью, так и Зюганов выполняет роль мыльного опера для тех, кто верит, что коммунизм – это когда всюду честные милиционеры).

А книги с сюжетом, с героями, с хорошим языком – это игра. Просто игра в бисер. Я эти игры обожаю. Изощренный ум без такой игры никогда не обойдется.

Но, мне кажется, изощренный ум и не будет этим кичиться.

2011

5. Правила глянца// О том, как гламур заменяет отношений людей на отношения вещей

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Гламур в оппозиции» http://kommersant.ru/doc/1637447)

Любой цветок когда-нибудь увянет. С другой стороны – когда б вы знали, из какого сора растут цветы или стихи… В общем, так: на идею написать про русский глянец меня навел академик Сахаров.

Объясню: Сахарову 21 мая 2011 года исполняется 90 (великие люди продолжают жить и после смерти). Я готовился к эфиру по этой дате (у меня программа на канале «Совсекретно») и, готовясь, читал сахаровский текст, написанный в 1968-м. Текст назывался «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (если честно: я отвык от такой старомодной стилистики).

Там речь шла о нескольких угрозах человечеству. О первой было легко догадаться (угроза термоядерной войны – первой войны, где меч заведомо сильнее щита). Второй угрозой было исчерпание ресурсов, голод. А третью угрозу – ни за что не догадаетесь! – правозащитник, академик, создатель термоядерной «сахаровской слойки» видел в массовой культуре.

Я в первую секунду хохотнул – интересно, как себе представлял «массовую культуру» советский ученый в брежневскую пору (когда «масскультура» была синонимом «гнилого Запада»)?! А потом прочитал текст еще раз.

Сахаров в 1968-м писал, что нам грозит «оглупление в дурмане массовой культуры и в тисках бюрократизированного догматизма». К 2011-му, готов поклясться, пророчество сбылось: масскульт и бюрократизированный догматизм демонстрируют трогательный союз.

Оглянитесь вокруг: единственная сфера, которая сегодня не регулируется ни Кремлем, ни из Белым домом, на которую не наезжает «бюрократизированный догматизм», сиречь автократия, – это сфера массовой культуры. Под которой я подразумеваю никакую не попсу, а хорошо структурированное потребление, с религией шопинга, с кафедральными соборами гипермаркетов и часовнями бутиков, с профильной литературой от дамских романов до глянцевых журналов, – ну и, да, с Филиппом Киркоровым и группой «Блестящие», поющими на клиросе. (А если сравнение претит, давайте напишу: «с Эрмитажами гипермаркетов и вернисажами бутиков»… Наталья Медведева в «Мама, я жулика люблю» писала, как в эмиграции в Америке ее муж, похихикивая, предлагал пойти на экскурсию в «музейчик», как он называл супермаркет, – Наталью, правда, это выводило из себя и, в конечном итоге, привело к разрыву…)

Даже если вы бесконечно далеки от шопоголизма, посетите как-нибудь выходным днем торговый центр типа «Мега».

Я помню, как мы с женой заехали туда впервые, и мне открылись гектары торговых площадей, заполненных проводившими там целый день блаженными адептами потребления, удовлетворявшими все жизненные потребности разом: отовариться, пообедать, отправить детей на площадку к клоунам и покататься на катке.

«Именно так я представляю себе ад», – сказал я ошеломленно.

«Именно это для большинства является раем», – резонно заметила жена.

Почему ад? Я не против катка, разумеется. Просто пространство шопинг-молла не было общественным, как городская площадь. Оно было огромным частным пространством, замаскированным под общественное, которым отсекались любые персональные интересы, кроме потребительского. Это было крупномасштабной действующей моделью национальной идеи, вполне удобной власти, – в силу контроля и предсказуемости.

Площадь ведь непредсказуема одним тем, что принадлежит всем и никому, площадь готова создавать неожиданные идеи и смыслы. Вот почему при малейшем намеке на выход на площадь (неважно, кто выходит – музыканты, флэш-моберы или протестующие демонстранты) власть беспощадно кошмарит всех. В Китае, мне говорили, пошли еще дальше, проектируя новые города без площадей – лишь улицы и перекрестки…

Идеология жизни как процесса потребления прекрасно себя чувствует и на Западе, но там она является темой изучения и описания (почитайте «Современную рекламу» Бове и Аренса или «No Logo» Кляйн), поэтому одну не очевидную для нас вещь должен заметить.

Вне религии шопинга – то есть идеологии постоянно растущего, брендированного, гламуризированного, показного потребления – современное производство просто рухнет. Вне этой религии человеку потребны куртка на зиму и сандалеты на лето, но в рамках религии никакое количество курток и сандалет не является окончательным. К окладу животворной иконы всегда можно добавить еще один камушек – какой бы дикостью, с точки зрения здравого смысла, украшение разрисованной доски ни казалось атеисту.

Я сам был когда-то маленьким жрецом этого культа, главредом мужского глянца, и жил по этим законам. Правда, я не знаю, насколько эти законы очевидны пастве. Закон первый – в мире глянца нет смерти и немощной старости (редкие и, что называется, «резонансные» смерти, которые нельзя замолчать, подаются не как смерти, а как события сродни падению метеорита). Закон второй: когда глянцевые люди болеют, они не ходят с распухшими красными мордами, – а направляются с улыбками за гарантированным исцелением к правильному врачу. (Лет десять подряд в русском глянце определяющим слово было «правильный». «Правильный городской автомобиль». «Правильная школа для ребенка». «Правильный шоппер» (это не человек, а такой неудобный баул без плечевого ремня, смысл которого не в складировании покупок, а в демонстрации правильности).).

Закон третий: глянцевые герои всегда сексуальны (отсюда столько голяка в рекламе, утрамбовывающей в модном журнале его самую лакомую первую треть; реклама размещается либо разворотами-спредами, либо вклейками-инсертами, либо строго на нечетной странице. Взгляд на странице справа задерживается дольше – рекомендовано лучшими собаководами).

Закон четвертый: сексуальность – самодостаточна, глянцевые люди не занимаются сексом (хотя бы потому, что сексуальность повышает продажи, а секс отвлекает от продаж и приводит к нежелательным беременностям или использованным презервативам, вид которых, с точки зрения производителя презервативов, не создает привлекательного образа продукта). И, сразу, пока не забыл, закон пятый: в глянце не существует использованных, старых вещей, иначе как на эстетских черно-белых фото, где они переходят в новую, винтажную категорию глянца.

Правило запрета на секс при поощрении сексуальности выкидывает порой забавные фортеля. Когда в мужском журнале FHM номер посвятили анальному сексу, это не вызвало протеста рекламодателя, потому что слово «анальный» имеет отношение к сексуальности и способствует продажам (как минимум, нижнего белья), – но когда в этом номере опубликовали нецензурированные дневники тех, кто практиковал этот секс, и снабдили похабными (в смысле, откровенными) снимками, рекламодатели отозвали рекламу чуть ли не на год вперед. Для непосвященных: дневники они бы стерпели. Рекламодатели не читают тексты – им некогда – но обращают внимание на картинки и заголовки. Идеальный заголовок дол-

жен быть двусмыслен, остроумен, сексуален, но не оскорбителен, типа «12 способов, как придумать в постели 13-й».

Глянец, если обобщать – это система перевода языка людей на язык вещей, своего рода сурдоперевод. Высшим достижением которого, с моей точки зрения, является журнал для миллионеров Robb Report, где фотографий людей нет вообще. Так что я иногда себе представляю, что это журнал сразу для яхты Дерипаски, читающей новости про яхту Абрамовича.

Почему я в глянце работал? Меня восхищало его просветительское, адаптивное свойство, умение примирить бедную девочку, для которой разорителен шопинг даже в Zara, с миром, где сумочка от Jane Birkin стоит 5 тысяч евро (и нужно еще четыре года ждать). И его дружелюбие, с каким прыщавого юнца знакомят с мужской косметикой, где, представьте, существует не только «мягко отшелушивающий утренний скраб», но и сыворотка, глина и даже сера для лица (нет-нет, мальчик, от нее не пахнет серой!). Или объясняющая клерку, что название вот этих часиков за двадцать тысяч (не рублей) правильно произносится «Таг хОй-ер».

В общем, оценка журнала Cosmopolitan как «журнала для секретарш, мечтающих стать женами боссов», звучала для меня скорее положительно.

Пока я не сообразил, что это не адаптация, а инициация (и, боюсь, что и пенетрация) людей миром вещей. Имеющая, кстати, довольно темную смысловую изнанку, раскрытую Пелевиным в «Empire V»: «Ничего не бывает убогим или безобразным само по себе. Нужна точка соотнесения. Чтобы девушка поняла, что она нищая уродина, ей надо открыть гламурный журнал, где ей предъявят супербогатую красавицу… Это нужно, чтобы те, кого гламурные журналы превращают в нищих уродов, и дальше финансировали их из своих скудных средств!..»

Смысл идеологии глянца в том, что отношения между людьми заменяются отношениями между вещами; вещами заменяются и мысли, и чувства, и каждый раз вещей не хватает, потому что для выражения мысли даже средней сложности не хватает всех сумочек Hermes.

Впрочем, я бы никогда не стал рассуждать на эту тему, несмотря ни на какие юбилейные даты (кто умен, тот дойдет до всего сам, а пенетрированному и так хорошо), когда бы не история, продолжающаяся в России уже довольно долго с двумя образцово-показательными, флагманскими мужскими журналами. Вопреки еще одному закону, требующему от глянца держаться подальше от всего социального, политического и научного (от всего перечисленного рекламодатель шарахается примерно так же, как реального секса), в одном журнале собрали в качестве колумнистов весь цвет оппозиционно-критической мысли, от Эдуарда Лимонова до Евгения Киселева, от Григория Ревзина до Дмитрия Быкова, а в других текстах – что еще более невероятно – выработали стиль отношения к кремлевской политике как к нечто неприличному, вроде запущенного триппера, на который не существует «правильного» врача (именно в этом журнале гламурная девушка Ксения Соколова назвала тех, кто судил Ходорковского, «унылым говном»). А в другом журнале рассказывают о системе взяток в медицинских вузах страны, публикуют календарь милицейского произвола, печатают с продолжением критически-теоретические очерки институциональной экономики профессора Аузана, дискутируют о кривой Гаусса и нелинейном распределении Парето, – а что до высокой политики, то главред журнала о ней высказался по-соколовски: «Любой небоскреб из дерьма в один весенний день просто развалится на части, хотя трудолюбивые строители небоскреба и продолжают нахваливать его красоту и надежность».

И мне эти глянцевые журналы, называющиеся GQ и Esquire, невероятно нравятся, но самое удивительное, они и правда ломятся от рекламы, хотя, по идее, рекламодатель от них давно должен был сбежать, бормоча под нос что-нибудь «о нарушенных правилах игры», как всегда бормочут трусы. Не бежит, однако. Не дрейфит. Даже заигрывает.

То есть сетка масс-культурного форматирования, набрасываемая на наш мир, имеет не такую уж и мелкую ячейку – скорее, это мы, думая, что она в мелкую ячейку, добровольно затягиваем узлы. А если не шугаться, можно раздвинуть решетку достаточно широко, чтобы думать, действовать и знакомить форматируемых людей с тем, как именно их форматируют.

Хотя возможно и другое объяснение – что культурные революции, случайся они в музыке, политике, живописи или, вот, в глянце, никогда не совершаются теми, кто выполняет правила, радуясь тому, что хорошо их знает, и что ему хорошо за это платят. И что порой те, кто идет против всех правил, ставя поиск истины выше, в этих революциях побеждают.

Тогда получается, что у нас не все безнадежно.

2011

6. Старики, разбойники// О том, что беззаботной старости у нынешних работающих не будет

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1650606)

Недавно на записи одной телепрограммы участники пришли к выводу, что накопительные пенсии терпят крах. Причем во всем мире. Я бы сформулировал еще жестче: мечтаешь о сытой старости? Забудь о пенсии, становись геронтократом, дави молодых!

Программа называлась «Отражение» и записывалась на питерском телеканале «100ТВ» – по-моему, это единственное в Петербурге телевидение, которое не боится пускать меня на экран, зная мое отношение к губернатору Матвиенко (и главное – ее ко мне). А тут в едином мнении по поводу пенсий сошлись такие разные люди, как отец-основатель «Яблока» Болдырев, депутат-единоросс из местного заксобрания и ваш покорный слуга.

Здесь важно вот что сказать (и я на записи примерно это и говорил). Я когда-то был отчаянным либералом, считавшим, что накопительная пенсионная система, существующая в западном мире, благодаря которой к гарантированному пенсионному пайку получаешь весомую персональную добавку, размер которой лишь от тебя зависит, спасет Россию. Спасет, по крайней мере, от превращения в страну бабок и дедок, намертво привязанных к собесам, чего-то там талдычащих про стаж, Советский Союз и делящих пакет крупы на неделю еды. Заработал, подумал, вложил, позаботился, при выходе на покой снял урожай – да что же тут непонятно?! И я дико злился на тогдашнего социального министра Зурабова, который вел со мной задушевные разговоры о пенсионной реформе – предусматривающей деление на распределительную и накопительную часть – а потом коварно обманул, отдал накопительные права лишь тем, кто 1967 года рождения и младше. Такой мужчина, такой технократ, такие замечательные ботинки, костюм и аргументы – и такое коварство!

А теперь вот злобы никакой.

Зурабов спас меня от напрасных иллюзий.

Потому что при темпе инфляции в 10 % пенсионные фонды должны вкладывать деньги либо в проституцию, либо в наркотрафик, чтобы опередить рост цен и хоть что-то сберечь: сейчас средняя доходность российских пенсионных фондов составляет 6,6 %. А значит, распределительная система – единственное, что в России остается, и можно обсуждать лишь детали: например, установить возраст выхода женщин на пенсию в 60 лет или все же в 65 («Нельзя повышать возраст в стране, где люди не доживают до пенсии!» – взревел при этих словах какой-то пенсионер в зале. Я с интересом посмотрел на мертвеца. Окружавшие его пенсионерки, согласно статистике, проводили на пенсии целых 18 лет – это европейский рекорд. Я на всякий случай не стал говорить, что, если верить глухо просачивающимся из-за кремлевской стены сведениям, с 2012 по 2015-й год, когда Путин вновь станет президентом, а обреченным на заклание премьер-министром будет да хоть Михаил Прохоров, именно такая, непопулярная, жесткая, с постепенным и непременным повышением пенсионного возраста реформа и будет проведена – а затем еще три года Путину понадобятся, чтобы зачистить за уволенным премьером территорию и похоронить всех навешанных на него собак).

От анонса неприятного прогноза меня спас Юрий Болдырев (к имени которого навсегда приклеен ярлык «основателя «Яблока» и «политика», какую бы должность он ни зани-

мал). Он весьма кстати напомнил про мировой кризис накопительных пенсионных фондов. Эти фонды, в силу особой социальной ответственности, обязаны вкладывать деньги в бумаги высшей степени надежности, ААА, «трипл эй», а к таковым неизменно относились долговые обязательства США. «Относились» – потому что, например, крупнейшее рейтинговое агентство Standard amp; Poor's уже заявило о возможном снижении рейтинга этих обязательств, а значит, о последующем падении их цены, – и, выходит, косвенно предупредило всех и о падении накопительных пенсионных выплат: фонды, а вместе с ними и пенсионеры, ожидаемо обеднеют.

Зал выслушал научную часть доклада в гробовой тишине. И поступил разумно, поскольку информация Болдырева была лишь вершиной айсберга.

Я довольно давно (и отчасти ошарашенно) понял, что вовсе не «западная», «европейская», «панатлантическая», то есть двух– или трехуровневая пенсионная система (распределительная + накопительная + корпоративная) была производителем тех счастливых пенсионеров в цветастых шортах, что куролесят по всему миру.

Во-первых, составляя (в среднем) 40 % от зарплаты, их пенсия была не так уж и велика, поскольку западный средний класс – он действительно средний, ничуть не шикующий, экономящий каждый цент, планирующий и соблюдающий личный бюджет. $2000 в месяц, презираемые в Москве, в США считаются нормальной зарплатой (при том, что у нас сумму дохода неизменно считают «чистыми», а у них «грязными», до налогообложения). И я помню, как три года назад, после ипотечного кризиса, прочел в какой-то газете в Новой Англии с жаром написанную заметку про становление у местных жителей традиции «muscle day», «мускульного дня» – это когда раз в неделю они оставляли машины в гаражах и садились на велосипеды. В месяц получалось что-то $17-$20 долларов экономии. «Негусто», – заметил я местному сопровождающему. «Двести долларов в год, – отозвался он. – А за десять лет…» – и я осекся. Мы с ним вообще вволю потрепались об особенностях местной жизни («средний класс – это тот, кто может позволить себе медицинскую страховку» – сказал он), и о пенсионной системе в частности, и он сказал, что пенсионеры так радостно улыбаются не от размера пенсий, а от того, что выплатили весь моргедж, то бишь ипотеку за дом. Для выхода на пенсию требуется наработать 35 лет стажа, а ипотека берется обычно на 25, а то и на 30 лет – вот и получается, что всю жизнь ты вкалывал и выплачивал, и только на покое над тобой не висит долг. Я, опять же, хмыкнул, потому из-за кризиса цены на недвижимость рухнули чуть не двое, и за $100 тысяч с небольшим можно было найти домик с четырьмя спальнями недалеко от океана (под Москвой столько стоила собачья будка) – но мой Вергилий по Новому Свету возразил, что, когда эти дома покупались, они стоили, по нынешним представлениям, вообще копейки. «Богатые старики держат бедных молодых за горло», – он выразился не вполне так, а куда более неприлично, но я всерьез задумался над тем, от чего прежде отмахивался: о новой геронтократии, о связи современной экономики с физическим возрастом.

То есть над тем, что на Западе удлинившаяся, благодаря медицине и просто культуре ухода за телом, жизнь стала давать в итоге преимущества, недоступные самым энергичным молодым – если, конечно, в пору своей молодости старики удосужились задуматься о старости.

Геронтократы – это пожилые, ныне правящие миром. Но сегодняшняя западная геронтократия – иное явление, чем правление стариков по типу брежневского политбюро. Современная геронтократия – это феномен парадоксального роста находящихся в руках стариков акций, бизнеса, недвижимости, который создает им не просто преимущества перед работающими молодыми людьми, но недосягаемые преимущества. Помню, некогда в Лондоне я был потрясен, узнав, что мама английского коллеги получает пенсию в 250 фунтов (нынешние 12500 рублей). Я тогда вообще много чем в Англии был потрясен – и стаканчиками кофе

с крышечками, продающимися навынос, и открытием, что моя зарплата, $50 тысяч в год, уходит почти вся на налоги, транспорт и жилье, представлявшее собой комнату в общежитии с удобствами в коридоре, на полу которой теннисный мяч начинал катиться. «Ты маме помогаешь?» – спросил я коллегу абсолютно в русском духе, готовясь сочувствовать: его зарплата не сильно обгоняла мою. Но он, усмехнувшись, ответил, что его мама – богатый человек. Квартира в Лондоне, дом в Оксфордшире. Сдает и то, и другое, а сама живет на вилле в недорогой Испании, – там, кстати, и климат лучше.

И вот тогда, памятуя про любопытную Варвару, я сунул нос в пенсионерскую экономику и обнаружил удивительную вещь: старики питались кровью молодых. Простейшие расчеты показали, что лондонец со средним лондонским доходом никак и никогда не мог купить средней лондонской квартиры (аналогично, кстати, в Париже и в Москве. Средняя зарплата в Москве 38 тысяч рублей. Банк не выдаст ипотечный кредит, если надо выплачивать больше трети дохода – для двоих это 25 тысяч рублей в месяц. Хорошей ставкой по ипотечному кредиту являются 15 %. Возьмите калькулятор и сосчитайте, когда средняя московская семья полностью расплатится за кредит за «трешечку» в Жулебино ценой 6 миллионов. Должно высветиться «никогда»).

Так происходит оттого, что люди стали жить долго, и квартиры в их собственности стали находиться тоже долго, – так долго, что, дорожая быстрее инфляции, с годами превратились в сверхтовар, производящий рентный капитал. Ну, разделите мысленно все товары на амортизируемые (просто товары) и растущие в цене (сверхтовары). Первые – это одежда, автомобили, техника. Вторые – недвижимость, драгметаллы, иногда акции и предметы искусства. Даже если в стране нулевая инфляция, она отражает сумму разного изменения стоимостей: удешевления просто товаров и удорожания сверхтоваров. Допустим, сверхтовары дорожают на 3 % в год. Уже на второй год образуются проценты на проценты, а через четверть века стоимость удваивается. В результате же невиданного прежде массового удлинения жизни старики превращаются в собственников-миллионеров, стригущих купоны с недвижимости, акций и проданного на аукционе Ван Гога. А молодые довольствуются Ван Гогом в музее и горбатятся на пожилых, – в надежде, что, когда станут пожилыми сами, будут точно так же эксплуатировать молодых. Кстати, горбатиться молодые должны и потому, что богатых неработающих стариков все больше, а бедных трудоспособных молодых все меньше. (Тут на записи телепрограммы неожиданно включился депутат от «Единой России», сказав, что в питерском заксобрании процентов 80 депутатов – миллионеры или, бог его знает, миллиардеры, так что лично он за идею отмены депутатских спецпенсий: эти пенсии всех раздражают, но никого из этих миллионеров не спасают).

И вот эта-то собранная к старости собственность – она и есть настоящий пенсионный капитал. Потому что даже «однушечка» в панельном доме в спальном районе, сдаваемая на лето, проводимое в садоводстве, дает куда более надежный доход, чем любая пенсия в результате хоть самой наипрекрасной реформы.

И получается, что кто не успел, тут опоздал. И жить – и планировать жизнь – нужно так, как будто и не будет никогда никакой пенсии. И на этой оптимистической ноте съемка программы закруглилась, плавно перейдя в песню в исполнении квартета довольно лихих ленинградских бабушек – с укладками, на каблуках, в замечательных концертных платьях с позвякивающими медалями на груди.

А я, выйдя на улицу, хлопнул себя по лбу, потому что не успел сказать самое главное, – не имеющее, впрочем, никакого отношения к экономике.

Не успел сказать, что глупо измерять возраст оборотами планеты вокруг солнца. Жизнь – она ведь все же не балерина, к всеобщей радости и под немой счет зала крутящая фуэте. Куда разумнее измерять жизнь по степени интенсивности, что ли, по числу знаний, переживаний, вообще пропущенной через себя, переработанной и выпущенной наружу информа-

ции. Я давно заметил, что у людей, проживших жизнь горячо и навзрыд, отсутствуют не просто сетования на судьбу, бедность, невнимание, но и страх старости и смерти. И наоборот. У бедных стариков всегда как-то непропорционально много старых вещей, каких-то баулов, коробок, ведер, тазов, кастрюль: они держатся за них, не решаясь выбросить, потому что те играют роль свидетельств, квитанций, накладных, подтверждающих, что действительно жили – потому что больше нечем подтвердить. Как ни грустно это писать.

А интенсивно живущий человек, по идее, старость не слишком замечает, – посмотрите на любого так живущего. Я, вон, записывал передачу с актером Михаилом Козаковым где-то за полгода до его смерти. Он был болен, полуслеп, держал спину прямо, все понимал, пил коньяк, шутил. В буфете мы говорили о Давиде Самойлове, Козаков рассказывал, как встретился со своей последней, совсем юной женой. Он выступал в провинции, гастролировал, так познакомились. Потом поехали в ресторан. Потом в гостиницу к нему. Потом в Москву. В Москве у Козакова в результате всех жизненных перипетий была маленькая «двушечка» где-то на окраине, с дурацким подъездом, устроенным так, что если куришь на лестнице, дым затягивает внутрь квартирки.

«Ужасно как, – кто-то сказал, когда Козаков уехал. – Панельный дом на окраине… А не особняк в Майами».

А по-моему, ничего ужасного: на что теперь Козакову на том свете этот особняк? А так – остались «Безымянная звезда», «Покровские ворота» и старый-старый фильм «Убийство на улице Данте» с немыслимо красивым Козаковым-актером, после которого он стал популярен, как Гоша Куценко, помноженный на Ивана Урганта, и даже больше, потому что стал иконой стиля, когда бы только тогда в Советском Союзе разрешали иконы. А смерти он не боялся. И сколько у него в старости денег было, и сколько квадратных метров, – было видно, что ему тоже плевать.

Отлично прожившего жизнь человека вообще не должно пугать, что, когда он умрет, он него вполне могут остаться лишь тело да флэш-карта с архивом.

Впрочем, в эпоху интернета можно обходиться уже и без флэш-карты.

2011

7. По моему хотению// О том, что идея печати по требованию в России вряд ли выполнит свои задачи

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1663625)

Информационная революция должна ликвидировать дефицит информации (а на дефиците многое держалось и держится. Например, власть). Вот как происходит (или не происходит) новый этап ликвидации.

Влажным жарким июнем 2011 года, когда дожди и солнце после холодной весны заставили, наконец, русскую природу разродиться обильной и пышной зеленью, женщина по имени Марина Каменева вбила очередной гвоздь в крышку традиционного российского книгооборота, объявив о том, что книжный магазин «Москва» начинает print on demand.

Собственно, те, кто знает, кто такая г-жа Каменева и что означает print on demand (а означает «печать по требованию»), могут с чистой совестью хмыкнуть и перелистнуть страницу.

Однако мне хочется посвятить директору магазина «Москва» Марине Ниловне Каменевой пару абзацев, поскольку ее судьба достойна сюжета если не романа и повести, рассказа в духе Татьяны Толстой. История Каменевой – это история о том, как женщина, не претендующая на роль ни интеллектуалки, ни даже, кажется, книгочейки, настолько влюбилась в книги, писателей, издателей, и читателей, что создала лучший в стране книжный бизнес (то есть такой, где главное – идеал, идея, а прибыль, доход, деньги суть лишь инструменты). Это Каменева первой в России сделала доступ к полкам с книгами открытым. Это Каменева первой стала торговать до часу ночи. Это Каменева первой начала продавать аудио– и электронные книги, это она стала устраивать даже не встречи, а вечеринки с писателями, это она превратила советский магазин в светский клуб, где гламурных персонажей сегодня не меньше, чем на летней террасе московского гастрокафе Ragout. По большому счету, Каменева популяризирует чтение точно так же, как Ольга Свиблова популяризирует фотографию, а основатель Ragout Алексей Зимин – гастрономию.

Ну, и, вот, Каменева логично пришла к идее print on demand, родственником которой (которого?) является video on demand, видео по требованию. В родителях у обоих – информационная революция, смысл которой не только в мгновенном информационном обмене, но и в том, что информация и ее носитель живут отдельными жизнями. «Книга» – это уже не обязательно фолиант (5 тысяч томов в моей домашней библиотеке занимают 4 огромных стеллажа, но в мой ноутбук вбито 100 тысяч книг, а в каталоге print on demand содержится 470 тысяч). «Фильм» – больше не кассета, не диск и не время в телепрограмме (кино теперь можно заказывать в любое время, а также останавливать, повторять и проматывать вперед).

И вот я в кабинете Каменевой: сама хозяйка в отъезде, но меня по ее просьбе любезно принимает ее заместитель Екатерина Мосина. И мы говорим о том, что с книготорговлей сегодня в стране происходит то же, что и с торговлей другими товарами: крупные сети хотят иметь дело с крупными поставщиками, на фоне чего шансы малявок падают. Печальны шансы фермера, у которого пара дюжин коров, пусть и отборных пород. Печальны шансы издателя, если он не найдет среди рукописей бестселлер. Печальны шансы читателя, если он ищет книгу, изданную лет пять назад тиражом в пару тысяч экземпляров: новый тираж допечатывать никто не станет. Особо печальны шансы читателя в регионах, и откровенно

безнадежны – читателя, не имеющего выхода в интернет, где всегда можно сыскать пирата, а точнее, Робин Гуда, отсканировавшего нужный текст.

– Печать по требованию, – говорит Мосина, – это возможность получить книгу, которой нет в продаже, и при этом не нарушить авторских прав.

– Там должны будут обнаружиться странные ниши, вроде неизданных партитур, – говорю я.

Искусствовед Мосина на секунду задумывается, потом кивает, соглашаясь, но уточняет:

– Печать по требованию вообще рассчитана на книги для специалистов. И еще – на книги на иностранных языках. Вот в США только что вышла автобиография Марка Твена: он завещал не публиковать ее сто лет после смерти, теперь срок истек. Понятно, что уникальная вещь! Но книга на английском, дорогая, и непонятно, сколько человек в России ее купят. То есть мы невероятно рискуем, закупая бумажную книгу, и понятно, что закладываем риск в цену. А если печать идет по требованию – никаких рисков…

Сам магазин «Москва» книг не печатает: оборудование занимает слишком много места. Но он заключил договор с компанией, которая так и называется, «Книга по требованию», имеющей, в свою очередь, договоры с издателями. Через 5 дней после заказа отпечатанная, в обложке из плотного картона, книга, ничем не отличающаяся от «настоящей», поступает к заказчику. Индивидуальный тираж обходится примерно на четверть дороже массового – но, повторяю, в том-то и штука, что в продаже этих книг нет.

Мы смотрим на список первых заказов (33 книги за первый день). Сборники рассказов Достоевского (романы классика переиздаются без проблем, а рассказы ищи-свищи). Трехтомник «Коллекционирование холодного оружия третьего рейха». Семь книг описаний путешествий Хвостова, Давыдова, Головнина, Обручева; два тома писем Толстого жене; четыре книги Мережковского; Чжуан-цзы и Соловьев со «Смыслом любви» и «Русской идеей», пара книг по истории… Еще не статистика конечно, – но уже подтверждение нашей идеи. И я прощаюсь с Екатериной Мосиной в лучших чувствах, и мы говорим напоследок, что в недалеком будущем отделения print on demand станут принадлежностью торговых центров, вроде химчисток или ремонта обуви, которые, если обратили внимания, располагаются всегда у входа: сдал почистить пиджак, заказал в печать «Меметическую машину» Сьюзан Блэкмор – и, возвращаясь с шопинга, забрал.

Это мы так друг друга красиво обманываем, а уж если совсем честно, то врем. Потому что так, к сожалению, не будет. И вот почему.

Один из колоссальных пробелов нынешнего российского знания – это прошедший мимо нас пласт современных западных исследований в области общественных и естественных дисциплин. Граница его отмечена 1962-м, когда американский ученый Томас Кун написал книгу «Структура научных революций», введшую в оборот понятие парадигмы, то есть упрощающей, но объясняющей концепции. С тех пор все книги, касайся они генетики или политики, футурологии или психологии, экономики или струнного устройства Вселенной, описывают не столько отдельные явления, сколько парадигмы.

Сначала мы эти книги не прочли, потому что был железный занавес. Потом, когда СССР рухнул, и книги перевели и издали, – не прочли, потому увлеклись погоней за деньгами. А сейчас, когда кое-кто очнулся, – выяснилось, что переиздавать изданное дорого и муторно, потому что нужно заново покупать права. А при мизерных тиражах покупать права – в том числе и на печать по требованию – не имеет смысла, да и западный правообладатель может их не продать, боясь, что электронную копию похитят и выложат в интернете Робин Гуды… А Робин Гуды действительно похищают, потому что иначе не ознакомиться ни с меметической парадигмой (рассматривающей отбор знаний подобно генетическому отбору), ни с полицивилизационной парадигмой Хантингтона… Вообще ни с чем, даже с

упомянутым Томасом Куном, скончавшимся в 1996-м – потому что решать, переиздавать ли его книгу в России, наследники Куна имеют полное право вплоть до 2066-го (я проверил: в каталоге print on demand «Структуры научных революций» нет. Там вообще нет переводов ни одной из действительно нужных мне книг, от трехтомника «Русская революция» Пайпса до «Генома» Ридли. Там 409000 книг на английском, 40000 книг на немецком и лишь 21500 книг на русском).

А руководство нашей страны, вместо того, чтобы инициировать мировой глобальный пересмотр авторского, патентного и смежных прав (ограничить их действие 15–20 годами было бы полезно), собирается бороться с российскими пиратами, то есть лишать меня единственного возможного доступа к информации.

Мне остается довести до сведения всех интересующихся (включая и борцов с пиратством), что авторские, патентные и прочие права – это главный инструмент, посредством которого власть постиндустриального мира сохраняет свою легитимность, принимая эстафету у бывших хозяев жизни, владельцев капитала. По крайней мере, такова новая общественная парадигма с точки зрения шведских ученых Александра Барда и Яна Зодерквиста, изложивших ее в книге «Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма».

Книга переведена на русский, хотя, увы, в напечатанном виде раздобыть ее невозможно ни по какому требованию.

«Печать по требованию» – это сегодня в России милая финтифлюшка, которая может и правда помочь коллекционерам оружия или, не знаю, диссертантам, изучающим историю путешествий мореплавателя Василия Головнина. Хорошо, что она появилась. Но на большее – то есть на получение информации о том, как устроен сегодняшний мир и какое место в нем занимаем мы – эта штука не годится.

Хотя человек с компьютером, подключенным к интернету, выход из этого положения найдет.

2011

8. Общество лоялистов// О том, как тяжел выбор между верностью профессии и службой начальству

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1677017)

Выбор между служением профессии либо начальнику должен, по идее, совершаться в пользу первой, потому что начальника сменить проще. Однако сегодня в России карьеру на этой идее не сделать.

Вообще-то я преподаю – на журфаке Московского университета. У меня спецсеминар, и на первое занятие набивается человек сто гавриков, а точнее, гавриц (или горлиц? Не суть: просто после уничтожения военной кафедры факультет обезмальчишечел). Думаю, они слышали, что я «добрый препод», то есть всем ставлю зачет. И я рассказываю горлицам про устройство работы журналиста, родственное работе следователя, который обязан собрать доказательства и допросить и ту сторону, и эту, – ну, там масса технологических и психологических моментов.

Меня не то чтобы самого так учили, но я к такому выводу пришел: нельзя утаивать шило в мешке, нельзя не давать слово тому, кто тебе противен (просто потому, что противен), нельзя говорить «все ясно» – когда ясно только кое-что. Верность профессии, то есть следование определенному алгоритму, страхует от ошибок и от стыда, – когда, например, случится разрыв времен, произойдет обвал пород, и обнаружится там скелет, который прятали под носом у всех.

И еще хочу сказать – это важно – что соблазн отступить от алгоритма в пользу высшей справедливости очень силен (вероятно, в любой профессии). Мне, например, до сих пор стыдно, что в 1996-м я считал главной опасностью для страны возвращение коммунистов. И боролся с ними, как мог – хотя нужно было не бороться, а давать слово. Но я давал слово младодемократам и не задавал им гнусных вопросов, хотя был обязан – но уж больно мне тогда нравился Чубайс. А вот теперь я печально думаю, что президентская победа Зюганова в 1996-м, которая должна была случиться по справедливости, то есть по преобладающему в стране желанию, была бы замечательным событием. Коммунисты в варианте мягкой реставрации подчистили бы творившиеся безобразия, всякие там итоги предрешенных залоговых аукционов, а заодно избавили бы страну от тоски по коммунизму. Ну, а далее Геннадий Андреич на волне краха 1998-го мягко уплыл бы в небытие, как олимпийский мишка. И не позорился на старости лет ролью декоративного Бармалея. А так, получается, я ко всему этому бесстыдству тоже руку приложил…

Я сейчас в этом, безусловно, каюсь, хотя пишу не только ради покаяния. Дело в том, что студентки несколько раз изумляли меня тем, что не видели разницы между журналистикой и пропагандой, между журналистикой и PR. То есть не видели решительно никакой разницы между работой следователя и адвокатом. Подходили и спрашивали: что перспективнее – работа на «Эхе Москвы» или на «Единую Россию»? Но я решил, что это исключения, эдакие метания бедных лиз в отсутствие на факультете вертеров, берущих на себя ответственность за поступки. И я отвечал что-то типа – деточка, нужно решить, вышивать вам владимирским крестиком или же идти с кистенем по первопутку (ну, слово «деточка» я не произносил). А они в ответ: вы не поняли, мы с точки зрения профессиональной карьеры! А я: так нужно

выбирать, в чем состоит карьера! А они: это вы не поняли, а мы про успех, и про финансовый в том числе, ну, понимаете?…

* * *

Давайте я оставлю своих студенток в московском роскошном буддийском (как Мандельштам определял) лете: сессия сдана, у них каникулы.

Но у меня в жизни было еще два ученика вне всяких учебных заведений, совершенных юнца.

Первого звали Пабло, и был он фотограф (его все так и звали «Пабло», а имени в паспорте не знал никто). Пабло был послан ко мне одним журналом, им требовался мой портрет. Результат случился такой, что, когда Пабло показал снимки, моя жена погналась за ним с туфлей в руке, пытаясь попасть каблуком в самое ценное, что у Пабло имелось, то есть в объектив. Он тогда ужасно фотографировал, правда. Но через день позвонил и, по-щенячьи поскуливая, попросился в ученики, сказав, что готов ночевать на коврике у двери и таскать в зубах мою сумку.

Никакие девичьи влюбленности, так не действуют на взрослого мужчину, как появление преданного ученика. Я свел Пабло со знакомыми фотографами, а главное, заставлял снимать с утра до вечера, а потом отснятое беспощадно ругал. Пабло дулся, кричал, что мне хорошо, у меня квартира, машина, я объездил весь мир, а у него ничегошеньки, лишь мотоцикл. А я снова заставлял снимать, и снова ругал, и он порой, когда не дулся, катал меня на мотоцикле на скорости километров 200 в час. По Москве. Сильные, надо сказать, ощущения – в том смысле, что ощущений не остается вообще. Только покорность судьбе.

А через год Ольга Свиблова ему сделала персональную выставку в ГУМе: снимки клубных тусовщиков, нарочито помещенных на византийски пышный фон. А потом провел потрясающую ночную съемку футболистов на фоне полуразвалившихся статуй футболистов – бог его знает, в какие парках он этих одноногих, полуруких монстров раскопал. А потом Пабло купил себе спортивное чудовище «Лансер Эволюшн IV» – и я понял, что всё: кораблик плывет без буксира. И только время от времени узнавал: Пабло купил фирму, Пабло открыл кафе…

Второго ученика звали Никитой, и он был экономист, выпускник вуза, начитавшийся моих статей. Я его понимал: сам в свое время, начитавшись статей Валерия Аграновского, напросился на знакомство. А в другой раз, начитавшись стихов Давида Самойлова, приехал к нему в Пярну, как ходок к Ленину. И до сих пор дико благодарен, что они со мной соглашались возиться.

Так вот, у Никиты были те же проблемы, что и у Пабло – неприкаянность, бедность и желание завоевать мир, и он жаждал совета, – где искать работу? Как искать? Я помог ему написать резюме, объяснил особенности устройства больших компаний (я знал), подбросил для чтения книг (и Фергюсона с «Восхождением денег», и «Фрикономику»), посоветовал, как вести на собеседовании. В итоге его взял в отдел продаж мировой гигант. Он хныкал, что работает за мизерные деньги. Я в ответ орал. Но через какое-то время он приехал на собственной подержанной иномарочке и пригласил в ресторан: получил продвижение. А потом он приезжал уже на огромном «джипе», с сумкой Hermes в руках, внутри которой лежал новенький IPad. А последний раз мы встретились в ЦУМе – не знаю, бывали ль вы в этом храме гламура в будни, когда там только продавцы, рубашки по 80 тысяч рублей да гулкая пустота? Я чувство такой пустоты помню по ноябрю 1982-го, когда умер Брежнев, и центр Москвы был перекрыт, и там абсолютно никого не было, кроме меня и стоявших через каждые 200 метров автоматчиков, ноги на ширине плеч, руки на затворе – шаги гулко

отдавались по Тверской… Так вот, встреча эта потрясла меня тем, что Никите в ЦУМе не просто улыбались, но кивали – он тут был свой. М-да…

Ну, а теперь, чтобы описанное не выглядело рекламой наставнических услуг, я должен сообщить следующее. И Пабло, и Никита проделали свой стремительный, ракетой, путь к достатку вовсе не благодаря моим советам или своему упорству.

Пабло разбогател на льстивых съемках корпоративных вечеринок: от 600 евро за одну вечеринку, и если постараться, то можно успеть отснять две. Он втирался в доверие к тем, кто отвечает за корпоративы – щенок, готов спать на коврике, портфель носить! – и быстро сообразил, что должен являть собой на вечеринке праздничный элемент, и всем нравиться, и всех знать, а дальше уже пошло-поехало, живет такой парень. Кролик разбогател.

А Никита поднялся, потому что в какой-то момент понял, что российские продажи его гиганта строятся не столько на маркетинговых секретах, сколько на откатах. «Продавцу экономическое образование вообще не нужно, – сказал он мне, – ему нужен длинный язык, прилипчивость, обаяние, а главное, понимание, кому и сколько можно откатить. Помнишь, ты мне рассказывал про СССР – тут все то же самое, все на связях. А книги твои я читаю для развлечения».

То есть это он теперь меня учил. Мне оставалось очередную свою книгу подписать «Победителю-ученику от побежденного учителя».

* * *

Я не просто так сказал, что на служение профессии всегда влияет некий высший интерес, как мы его понимаем. История Пабло с Никитой – это, собственно, история такого влияния. Просто сегодня в обществе высший интерес – это интерес к деньгам. И я не брюзжу на времена и нравы, а описываю то, на чем, мне кажется, держится современное русское общество. Оно ведь самодержавно по своему устройству, а власть самодержца, когда он не богопомазан, должна строиться на какой-то легитимности. Так вот, легитимность нынешнего самодержавия держится на деньгах: на возможности, условно, купить иномарку, и еще на идее великой России, доказательство величия которой сводятся к тем же деньгам, то есть к тому, что в Москве машины круче парижских (что правда). Такому обществу, безусловно, нужны профессионалы, но под профессионализмом тут подразумевается умение максимально эффективно сохранять существующий порядок вещей. И тут главный инструмент – это лояльность корпорации и ее начальнику, называйся они «ДЭЗ № 2» или «Российская Федерация». Самые большие деньги сегодня получают те, кто, подобно моему Пабло, научился обслуживать корпоратив, только федеральный, и деньги получают именно на обслуживании, а не развитии.

А человек, лояльный профессии, не обязательно лоялен корпорации – просто потому, что, как справедливо писал Пастернак в «Живаго», «истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно».

Такие у нас дела.

И тогда получается, что система взяток и откаток, процветающая, по слухам, в современной высшей школе (я не про журфак, и не потому, что лоялен журфаку: мои девочки на вопрос, приходилось ли им за сдачу экзамена когда платить, не хмыкнули, не засмеялись, а дружно сказали: «нет!» Чего вы хотите – непопулярная профессия, непопулярный факультет…) – так вот, эта коррупция ничуть не разрушает систему профессиональной подготовки. Напротив, она и есть система профессиональной подготовки – для работы в коррумпированной стране. Тотальная коррупция – это тотальная лояльность, выраженная в деньгах.

Я пессимистичен?

Ну да.

В мае 1990 года председатель Ленсовета Анатолий Собчак взял к себе оставшегося без работы офицера КГБ Владимира Путина, и когда безработный слуга павшего режима признался пламенному демократу в наличии погон, Собчак задумался, а потом ответил знаменитым: «Ну, и… с ним». Собчак совершенно не знал Путина, не любил КГБ, но ему нужны были дельные помощники. Путин же говорил по-немецки и знал Германию. Я хорошо помню то время, когда команды составлялись по принципу «кто что умеет», просто моя ошибка была в том, что я думал, так будет всегда.

А потом, уже в середине 1990-х, сидючи в сауне с одним из тишайших, милейших кремлевских теневых кардиналов, я обомлел, когда на моих глазах решилась судьба одного человека, которого убрали из команды. На мое изумленное «почему?!» (убираемый был блестящий журналист и организатор) – последовал ответ: «Не лоялен».

А в начале 2000-х уже никого не удивлял анекдот, что для работы в Кремле необходима прописка если не в Петербурге, то хотя бы на Ленинградском шоссе…

Собственно, и Парфенова при Путине убрали из телеэфира не из-за «политики», а потому, что хранил верность профессии. Давал слово тем, кто информационно важен, а не тем, кому велено. Его показательно убрали, чтобы выводы сделали те, кто еще не определился. Николай I точно так же показательно лишал всех гражданских и сословных прав оставшихся лояльными своим мужьям жен декабристов.

И по этой причине я вот о чем думаю: если меня осенью снова пригласят преподавать, то я, пожалуй, в свой курс внесу коррективы. Ну, например, очерчу границы уцелевших профессиональных ниш. И сразу скажу, что сегодня профессией, отслеживающей изменения в обществе, много не заработать, – хотя бы потому, что застойное общество меньше всего желает смотреться в зеркало: оно самодостаточно и самодовольно. И в утешение расскажу историю (я вообще люблю ее рассказывать), как однажды в Лондоне я ехидно спросил Березовского, отчего это он, член-корр. Академии Наук, потерял место в первой десятке Forbes – тогда как Абрамович, человек без образования, взлетел на самый верх. На что Березовский ответил, что в вопросе есть логическая ошибка, ибо для зарабатывания денег образования не требуется, – оно требуется, чтобы деньги тратить…

В конце концов, зависимость от денег, от начальства, от застоя ничуть не лучше алкогольной, когда пьют, чтоб забыться. А выход из зависимости имеет свои плюсы – я потому и живу в Питере, а не в Москве, что сейчас вот допишу текст, зашнурую ролики, и через десять минут окажусь на Дворцовой площади, под стенами Зимнего дворца. В 1837 году, на 12-й год тридцатилетнего царствования упомянутого Николая I, каленым железом выжегшего в стране малейшие намеки на нелояльность, в дворце случился пожар. Дело в том, что Николай потребовал установить в одной из комнат камин, и архитектор поначалу возразил, что это опасно, – но царь глянул так, что бедняга спешно согласился. Вот и заполыхало. Что, безусловно, никого не научило и ничего не изменило. Просто на пепелище согнали крепостных – и всего лишь за год восстановили дворец краше прежнего, угробив при этом, по словам де Кюстина, столько же славянских рабов, сколько французских рабочих заработали на строительстве Версаля. Но кто на рабов у нас обращает внимание…

Может, с этого учебный год начать?

С чего начать… что делать… кто виноват… как нам реорганизовать Рабкрин…

Ну, до сентября у меня еще есть время и подумать, и покататься.

2011

9. В ожидании Альмодовара// О том, почему в Петербурге сутки напролет – сплошная movida

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Гуляй-страна» http://kommersant.ru/doc/1681243)

Петербург – пожалуй, единственный город в России, где круглый год происходит то, что называется по-испански «movida». Это исключение из правил русской жизни особенно заметно во время белых ночей.

– Миииииш!.. Доставай фотик быстрее! Уплывуууууут! – кричит дама в панаме на мосту через Кронверкскую протоку. Мост ведет на Заячий остров с Петропавловской крепостью и могилами царей. Под мостом, на деревянной свае – бронзовый заяц, в которого принято кидать монетку. Удержалась на свае – значит, будет щастье. Ну, а из Невы в протоку, на фоне Летнего сада и Мраморного дворца, мимо зайца, мимо панамы, на скорости, прыгая на волнах, вылетают болиды – один, другой, третий, четвертый… И дама кричит, и муж – в шортах, сандалиях и черных носках – быстро щелкает фотиком: красота!

Ну, приезжие не знают (да и питерцы, признаться, не знают), что спешить незачем: после полуденного выстрела катера будут гонять вокруг крепости целых 24 часа, – это у них, между прочим, чемпионат мира.

Но все, кто любуется катерами, хорошо чувствуют это питерское летнее, белоночное, в роскошных архитектурных декорациях, разлюли-разгуляевское настроение.

Питер – пожалуй, единственный в России город круглосуточной и почти что круглогодичной фиесты, публичного спектакля. Вся Нева, все каналы и реки забиты яхтами, катерами, лодками, лодчонками, в половине второго ночи, когда начинают разводить мосты, река обретает вид бульона с клецками, а порой и буйабеса. По всем дорогам, дорожкам, тропинкам носятся велосипедисты: кто на низкорослых трюкаческих, напоминающих пони, BMX, кто на длиннющих ситибайках, похожих на «Харлей-Дэвидсоны». Колонна настоящих «Харлеев», вся во флагах и мигающих огоньках, пролетает по главным улицам чуть ли не с оркестром. В Александровском парке играет рок-группа, рядом жонглируют огнем, – граждане, постелив на газон коврики, достают снедь: ужин на траве, и все (кроме снеди) бесплатно. Заплатив же 500 рублей и пройдя на пляж с классическим видом на Биржу и цепочку дворцов, попадаешь на джазовый фестиваль, присоседившийся к выставке песчаной скульптуры. На всех мало-мальски пригодных площадях и площадках – танцоры на роликах, каталы на мокиках, экскурсанты на этих, как их, забыл, – ну, на двухколесных таких пепелацах с электромоторчиком, с которых невозможно свалиться, но Буш-младший умудрился… А, вспомнил, – сегвеи! Сегвейщики стаями – вообще фишка сезона. Как и велорикши.

И вода, и твердь, и небо, – все забито гуляками (в небе барражирует вертолет).

Там, где твердь смыкается с водой, – свои приколы. Компашки на гидроциклах поджидают, когда к гранитным шарам на стрелке Васильевского острова спустится свадьба, – и гонят к брачующимся на всех парах, лихо разворачиваясь в метре от жениха с невестой. Пара секунд – и все мокры насквозь, и в бокалах вместо шампанского невская вода. Фулюганы, конечно. Или аниматоры – это как посмотреть.

И это лишь малая часть картины.

На открытых террасах на Невском забиты все столики.

Залив (до которого из центра на машине полчаса) покрыт яхтами, кайтами, виндсерфами.

Мариинский театр на двух сценах дает до четырех представлений в день (последнее начинается в десять вечера), и толпа, заплатившая по 1000 рублей за «Адскую комедию» с Джоном Малковичем и пятью сопрано, вываливается из концертного зала в тихий рай ночной Коломны (той самой, где жила возлюбленная пушкинского Евгения Параша, и где доживали век однодумы-генералы, не обзаведшиеся особняками в Царском Селе). В этой Коломне, сразу за абрисом Новой Голландии с гигантской аркой, – другая мовида: дядечки в трениках, тетечки в бигудях, собачки потрепанных пород, сады, огороды, и ощущение такое, что заблеет за забором овца и взлетит на забор кочет… И тоже красота.

Малковича же везут до третьих петухов ужинать куда-нибудь в «Мансарду» с невероятным видом на Исаакиевский собор, а по Исаакиевской площади гуляют Кароль Буке и Павел Лунгин (а месяцем ранее гуляли Депардье и Фанни Ардан, – в Питере то кинофорум, то киносъемки… На последних съемках Депардье, кстати, играл Распутина, Ардан – императрицу Александру Федоровну. Расстрел царской семьи снимали на площади Искусств на императорской гауптвахте; гауптвахта оказалась военным объектом; в итоге Ардан, как иностранку, в день съемок на не пустили на собственный расстрел – и Питер со смехом повторял ее царственное: «Ну, значит, поживу дольше, чем планировала…») И всюду в ночи – фейерверки, фейерверки, фейерверки… А на Островах – музыка, дамы, танцы…

Я даю эту картину не только потому, что люблю Петербург. Хотя я очень его люблю: настолько, что если бы его не было, для меня бы исчез повод в России оставаться.

Я так описываю питерское роскошное-ленивое гуляние (на фоне которого так смешны бегущие по Москве люди, потратившие деньги в магазинах и торопящиеся тратить оставшееся в ресторанах) потому, что у довольно многих людей возникает вопрос: а что ж это в Питере все гуляют? Все поют? Они что, не знают, как коротко северное лето, карикатура южных зим, – а зима в России всегда катит в глаза? Или это такой пир во время чумы – ничего не видеть, не слышать, не знать? А может, Питер – это такой северный Сочи, где, мы знаем, дурные галечные пляжи, грязноватое море, диковатый сервис, плоховатые гостиницы, чудовищные цены, но полно отдыхающих? Такой русский ответ на несчастья жизни?

Отвечаю: это не ответ, не прожигание и не реакция на чуму (которую многие из питерских праздных гуляк хотели бы послать на все дома российской власти). Это – рост грибов после теплых дней и обильных дождей. Это явление человеческой природы.

Объясняю: Питер – город имитационный, псевдоевропейский, то есть не выросший естественно вокруг площадей возле храмов, рынков и ратуш, а устроенный по приказу, чтобы было, говоря современным языком, круче, чем на Западе. Чтобы европейцы ахнули и задрожали от русской жизни, как некогда варяжская княгиня Хельга, больше известная под русским именем Ольга, ахнула от вида Константинополя и, задрожав, приняла православие. Эту умышленность, нарочитость Петербурга замечали и Гоголь, и Достоевский, да хоть Мережковский («Надо прожить несколько лет в Европе, чтобы почувствовать, что Петербург все еще не европейский город, а какая-то огромная каменная чухонская деревня. Невытанцевавшаяся Европа», – писал он в 1900-х в очерке «Зимние радуги», вошедшем в сборник «Больная Россия»). Но обезьянничанье и утирание носа привело к обильному появлению общественных пространств «как в Европе», – бульваров, парков, набережных, проспектов. Европейский город, начиная еще с Афин и Рима – это ведь прежде всего общественные пространства, где все жители равны. А поскольку Питер не столица, и силенок у местной власти маловато, то проконтролировать все пространства она не может. Ну, побить десяток-другой демонстрантов у Гостиного двора, – это да. Разогнать велопробег на Дворцовой, этих холопов, решивших покататься в те дни, когда баре в Константиновском дворце трындели про

великую Россию, – тоже. Ну так это ж они чижика съели, а настоящих кровопролитиев учинить, – слава богу, слабо.

А поле, когда его не вытаптывают менты, омоновцы, гэбэшники и фэсэошники, – оно мгновенно начинает прорастать и цветами, и злаками, и деревьями, и кустами.

Вот почему так мертва Красная площадь в Москве – умерщвленное охран(к)ой пространство (где даже приличный фотоаппарат достать нельзя, только «мыльницу», там вообще все запрещено).

Вот откуда эта фиеста, с движняком, уличными концертами, оркестрами, певцами, спортсменами, капитанами, – петербургская мовида.

Кстати, movida, если запамятовали, – это испанский неологизм, родившийся после смерти диктатора Франко и означавший, с одной стороны, культурный подъем (это мовида подняла на гребень волны Альмодовара!), а с другой – невозможную при Франко уличную фиесту, в которую и сейчас легко окунуться, стоит приехать в Мадрид или в Барселону.

Вот и в Питере мовида идет, потому что место есть, а диктатора нет – потому что жизнь в России вообще возможна только по слабости или недосмотру власти.

Эх, забраться на крышу, что ли, с друзьями и с шампанским – и, любуясь фейерверками, ангелом над крепостью да корабликами на Неве, выпить если не за смерть Франко, то за Альмодовара?…

2011

10. Воровать нельзя платить// О том, что новое время и старое авторское право несовместимы

(Опубликовано в «Огоньке» http://www.kommersant.ru/doc/1600779)

Закон об авторском праве был сочинен в индустриальную эпоху. Сегодня в России его используют для устрашения. На роль посредника между талантами и поклонниками он не годится.

Наверное, дорогие товарищи, меня можно назвать вором.

Это не чистосердечное признание, но возможная оценка моего поведения Российским союзом правообладателей (который «михалковский»), Всероссийским обществом интеллектуальной собственности и массой других организаций и людей, от силовиков до писателей. Например, я вор с точки зрения Полины Дашковой, Аркадия Арканова, Сергея Лукьяненко и Евгения Евтушенко, подписавших письма против (для краткости упрощаю) перехода библиотек на электронные копии и, в целом, против свободного хождения таких копий (да-да: Евтушенко, распространявшийся в СССР в самиздате, сегодня против самиздата!) В этой компании, вместе с Евтушенко, находится даже Людмила Улицкая! (О боги! Она-то как там?)

А еще я вор с точки зрения управления «К» МВД России, которое недавно возбудило дело против пользователя сети «В контакте», выложившего на своей страничке несколько чужих музыкальных записей: бедняге теперь светит до 6 лет по статье 146 УК РФ («Нарушение авторских и смежных прав»).

Сейчас распишу свои преступные действия во всей красе.

В прошлом году я просмотрел 71 фильм, прочитал 30 книг (мало, да, но некоторые были толщиной с бурлацкую руку), а уж музыки прослушал без счета.

Оплатил я при этом 3 билета в кино и 37 DVD-дисков. Остальные скачал из бесплатных файлообменных сетей. И если в начале года я заказывал недорогие – 99 рублей – диски через интернет-магазин OZON, то после третьего или четвертого бракованного плюнул: нет хуже, чем когда настроишься провести вечер с женой за просмотром прошкинского «Чуда», а на 15-й минуте диск застывает, прямо как главная героиня этого фильма.

Из книг, правда, я лишь 6 штук добыл, не заплатив, в электронном формате. Зато уже в этом году почти все мое чтение – бесплатное: под Новый год я скачал себе одним файлом библиотеку в 129000 томов. Теперь электронный ридер позволяет мне наслаждаться хоть Кораном в четырех переводах (Аллах меня прости!), хоть «Фатерляндом» Роберта Харриса, которого нет в OZON'е.

Почему я больше не хожу в магазины? Почему игнорирую кинотеатры? Почему не хочу, чтобы моя денежка попала в карман хоть Прошкину, хоть Улицкой, да хоть Михалкову с его правообладателями?

Потому что я жадный?

Отчасти да, но не до такой же степени: за технику для чтения, прослушивания и просмотра я заплатил немало.

Подлинная причина в другом. В том, что в распространении книг и фильмов, музыки и фотографии в последние годы случилась революция: их можно мгновенно копировать и так же мгновенно передавать в любую точку мира. И в том, издательства и магазины, кинотеатры и правообладатели, да что там! – даже фантасты в лице Сергея Лукьяненко эту революцию не

то чтобы прохлопали, но не смогли поставить себе – и мне – на службу. Они по отношению ко мне – как Хоботов с Людочкой из «Покровских ворот» по отношению к Савранскому (и надо ли говорить, что пьесу Леонида Зорина я только что взял с электронной полки, чтобы перечитать известную сцену?)

Новая реальность

Представьте себе, что вы в меру упитанный мужчина в полном расцвете 46 лет, который любит читать, но у которого на носу очки. То есть что вы – это я.

И вам, допустим, нужна книга Ранкура-Лаферьера «Россия и русские глазами американского психоаналитика». Сначала вы ищете ее в обычных магазинах, потом в интернет-магазинах, потом пишете в издательство «Ладомир», которое отвечает, что тираж раскуплен. И вы снова пишете, объясняя, что готовы заплатить за электронный текст, поскольку у вас есть замечательная игрушка, электронная читалка, ридер, обладающая тремя важными свойствами. Во-первых, в ридере можно менять размер шрифта, – для людей в очках это важно. При этом у ридера не светится экран, и, следовательно, не болят глаза, – это два. А в-третьих, ридер понятия не имеет, что значит «тираж». Да пусть распроданы все тиражи – он имеет дело не с бумагой, а с файлом.

Что сообщают в ответ Хоботов с Людочкой? Правильно: что они торговлей электронными книгами не занимаются. В переводе на русский это означает: еще чего, нашел дураков! Мы тебе, значит, вышлем файл, а ты его запустишь в оборот!

И что прикажете делать мне? Можно идти в бесплатные файлообменные сети. Если там нет (а там нет) – кинуть клич в социальных сетях. Есть вероятность, что обладатель заветного тома, желая помочь, разброшюрует книгу, заложит страницы в сканер – и вышлет мне файл, которым я, в свою очередь, тоже поделюсь.

С нашей точки зрения, мы ведем себя так, как положено приличным людям, которые хорошую книгу дают почитать другим, – просто «дать почитать» теперь означает «дать скопировать».

Но, кроме нас, к этому оказался никто не готов.

Издательства оказались не готовы к спросу на электронный и аудиоформаты (я в прошлом году «прочитал» пяток именно аудиокниг, превращая стояние в пробках, утренний бег и глажку белья из утомительного в увлекательное занятие).

А книжные магазины оказались не готовы к тому, что за бумажную версию читатель согласен платить, только прочтя электронную.

А законодатель оказался не готов к тому, что произведение отделилось, как душа от тела, от материального носителя. Вот если я книгу Улицкой дал почитать другу – это ведь не нарушение прав ни Улицкой, ни издательства, правда? А если у меня десяток друзей? Сотня? Тысячи? Ах, тысяч друзей не бывает? Но у меня в ЖЖ без малого три тысячи друзей!

А если в новом обществе вообще все по-другому? Скажем, нужно бесплатно работать в одном месте, чтобы деньги получать в другом, но без первого невозможно второе? (Непонятно? Но так сейчас у музыкантов в России – они ничего не зарабатывают на дисках, зато берут свое на концертах, куда приходят вдохновленные бесплатными записями адепты).

Старый век

Описанный выше конфликт – не просто конфликт между сторонниками прогресса и ретроградами. То есть не конфликт между производителями автомобилей и каретных дел мастерами, которые кричат, что воздух на скорости 40 км/ч ветер разорвет легкие ездоку (а такие опасения когда-то были).

На самом деле это конфликт идеологий: идеологии регламентируемого, дозируемого, дефицитного доступа к информации – и идеологии свободного выбора. Среди тех самых 129 тысяч книг, что я скачал, есть ведь не только Улицкая, Евтушенко и Лукьяненко. Там еще и Гитлер, и Троцкий, и Мао, и мой приятель Саша Никонов, «Апгрейд обезьяны» которого прокуратура изымала из продажи под и-ди-о-ти-чес-ким (настаиваю, ибо книгу прочел) предлогом пропаганды наркотиков. А все потому, что в одной из глав Никонов задается разумным вопросом: «Так ли велик вред от наркотиков, как это принято считать, и не превышает ли его вред от борьбы с ними?» То есть тем же вопросом, которым задавались и авторы труда «Фенэтиламины, которые я знал и любил» Александр и Анна Шульгины, и Джордж Сорос. Если вы хотите искать истину (а я хочу), то пусть на аргументы Никонова, Шульгиных и Сороса прокуратура отвечает контраргументами, а не уголовными делами.

Понимаете, да?

В индустриальную пору информацию можно было регламентировать, контролируя носители. «Книга» означала книгу, которую печатали, продавали, покупали или брали в библиотеке. Закон, запрещающий без согласия автора смотреть, читать, слушать и тиражировать, вообще уходит корнями в 1710-й год. Конкретно – в Статут королевы Анны, он же Copyright Act, когда за творцами были закреплены 14-летние права на все копии. И этот Статут, по моему мнению, был разумнее сегодняшнего закона, когда права сохраняются не просто пожизненно за автором, но и еще и посмертно 70 лет за наследниками. То есть сегодня праправнуки решают, с чем общество можно познакомить и сколько с общества за это можно содрать (именно так обстоят дела с литературным наследием Набокова).

В информационном обществе все по-другому. Оно живет по законам, напрямую обслуживающим общественный интерес. А доинформационное – по законам частного интереса. И герои прежних лет – защитники собственного интереса, а также тех, кто вложил в их раскрутку деньги – хотят остаться подданными королевы Анны, как будто информационной революции не свершилось.

На знаменах их – знак копирайта, впереди, как щит – писатели с письмами, а позади – управление «К».

А их враг – я со товарищи.

Киберномика и писатели

– И что же, ты хочешь, чтобы Улицкая писала романы бесплатно? – говорит мне жена по телефону из Петербурга, когда я рассказываю ей об этой статье (за которую, кстати, я получу деньги).

Моя жена – умная, но до чрезвычайности наивная женщина, тоже (как и как автор «Даниэля Штайна») любящая подписывать письма протеста под влиянием эмоций.

О господи! Да я обожаю Людмилу Улицкую (не говоря про жену). И я очень хочу, чтобы женщина, написавшая дивный, невероятной силы роман о том, как жить примирителю в мире, клокочущем ненавистью, – чтобы она имела возможность жить так, как она хочет, и там, где она хочет, включая город Цю-юрих, который для меня неотделим от ее одноименного прелестного рассказа.

Я полон сочувствия не только к ней, но и, например, к одному вполне конкретному книгоиздателю, приславшего мне письмо с рассказом, как торрент-трекеры, файлообменники, убивают его бизнес. Он написал, что изданную им книгу велосипедных маршрутов многажды видел бесплатно распечатанной в руках велосипедистов. Я засмеялся: вспомнил, как я – тоже велосипедист! – искал эту книгу по магазинам, не нашел, а поэтому бесплатно распечатал.

Но пару ласковых слов издателям и писателям я сказать все же хочу.

Отличительная черта информационной эры для меня в том, что теперь сразу видно, кто ищет истину, а кто – заработок.

На сайтах велолюбителей люди делятся рассказами о маршрутах не за деньги, а чтобы помочь другим любителям – и тем получают награду свою.

Эту статью я пишу не ради гонорара, а чтобы в интересах общества изменить закон.

В ЖЖ, в твиттер, в социальные и файлообменные сети люди выкладывают информацию совершенно бесплатно: даже если они, как Юрий Деточкин, виноваты – они, как Юрий Деточкин, не виноваты.

И эта схема бесплатного обмена идей кажется мне куда более честной, моральной, полезной, чем базирующаяся на корыстном праве предыдущая.

И здесь я бы, поставил, конечно, точку, когда бы не вопрос: на что все-таки жить Улицкой?

Деньги и киберномика

Мои дальнейшие ласковые слова сводятся к нескольким идеям.

Первая: а с чего это авторы решили, что хождение электронных копий убивает обычные продажи? Продажи убивает отсутствие интереса к чтению. А я ничуть не перестал заходить в книжный магазин «Москва», где ночная торговля, забавная публика, приятная атмосфера, и только наценка абсолютно адова. «Зеленый шатер» Улицкой я там, возможно, куплю, хотя, скорее всего, куплю там, где цены ниже. Так что если Людмила Улицкая считает, что ее обворовывают, пусть пойдет к директору «Москвы» Марине Каменевой и поговорит с ней сурово с глазу на глаз. Хотя Марина Каменева, скорее всего, скажет ей, что на цены влияют аренда, налоги и риски, связанные с непредсказуемостью читательского спроса, но что популярных писателей как покупали, так и покупают, хотя бы потому, что нет ничего приятнее перелистывания бумажных страниц. И что электронные книги не отменили обычные, как DVD не отменили кинотеатры, кинотеатры не убили театры, а грамзапись не убила концерты (хотя именно этого музыканты век назад опасались).

Второй важный момент. Пусть я полон сочувствия к писателям, но я не считаю, что занятия литературой – вид заработка. Это принимают как данность поэты, которые, за исключением позднего СССР, ни в одни времена и ни в одной стране не жили на гонорары, следуя некрасовскому: «Землю попашет – попишет стихи». Некрасов, кстати, жил со своих поместий и карточной игры. Пастернак – с переводов. Бродский в Америке преподавал. А булгаковский Максудов писал роман о театре ночами, поскольку днем работал за зарплату в «Вестнике пароходства». И это, с моей точки зрения, нормально. Если тебе есть что сказать urbi et orbi – говори. Если мир твоими словами будет потрясен, ты получишь Нобелевку и миллион долларов. Если не будет – довольствуйся тем, что есть, и зарабатывай циклевкой полов. Джон Перри Барлоу, автор «Киберномики», первым описавший принципы постиндустриального мира, работал ковбоем.

Третье. Возможно (это всего лишь гипотеза), что информационная экономика меняет местами продажу и оплату. В традиционной экономике я сначала оплачиваю билет в кино, далее смотрю «Утомленных солнцем-2», далее плююсь и говорю, что зря смотрел. Но деньги обратно получить не могу, потому что кино – оно вроде лекарств или нижнего белья, которое тоже возврату не подлежат. В киберномике возможен иной вариант. Он описан в книге «Экономика символического обмена» профессором ВШЭ Александром Долгиным. Идея в том, что плата за интеллектуальный продукт должна браться не авансом, а постфактум и на добровольных началах. То есть прочитал Долгина, восхитился – и заплатил ту денежку, которую считаешь должным. А скачал Михалкова, разочаровался – и не заплатил ничего. Именно так распространяются компьютерные программы по условно-бесплатному принципу shareware.

Принцип может действовать и в иных формах: например, Улицкая может заявить, что для написания романа ей необходим миллион рублей и объявить сбор средств. Это действует: когда Алексей Навальный объявил о сборе средств на создание антикоррупционного сайта «РосПил», то собрал за пару дней несколько миллионов. Кстати, Долгина можно скачивать бесплатно, не опасаясь репрессий. Он защитил книгу не копирайтом, а более гибкой лицензией Creative Commons: она позволяет автору делегировать часть своих прав в пользу, например, читателей.

Четвертое. Не исключено, финансирование сложных произведений должно вестись в основном через гранты. Я сомневаюсь, что фильмы Киры Муратовой или Алексея Германа когда-нибудь окупятся (особенно с привычкой Германа работать над картиной по десять-пятнадцать лет). Однако я также не сомневаюсь, что Муратова и Герман – гении. А в интересах общества – через бюджет – гениев содержать. И затем, в идеале, распространять их фильмы бесплатно.

Пятое. Легкость доступа к информации отнюдь не мешает бизнесу, если бизнесом занимаются тоже гении – как создатель Apple Стив Джобс. Феерический успех его айфона и айпэда еще и в том, что одним касанием и за малую денежку можно скачать необходимые книгу, музыку или фильм: в этих гаджетах идеологии бизнеса и общества идеальным образом совпадают. Однако рискните сегодня в России купить через интернет билет в кинотеатр: в большинстве случаев это невозможно. А где возможно, там неудобно и муторно (да еще и комиссию берут): вот почему я так редко бываю в кино.

В итоге

Чего я добиваюсь?

Как минимум – дискуссии об авторском праве.

Если бы сегодня срок его действия ограничили 14 годами в духе королевы Анны, – это уже было бы успехом для общества.

Ведь именно подчинение нелепому, дикому, устаревшему закону наших законопослушных библиотек превратило их из хранилищ человеческой мысли в могильные курганы. Попробуйте, даже имея интернет и интерес к истории, получить хоть с какого могильника даже не Пайпса и Монтефиоре, а электронные тексты Соловьева и Костомарова! Фигушки. Спят курганы темные, солнцем опаленные, и туманы белые ходят чередой. Место хранилищ заняли частные бесплатные электронные библиотеки – тоже изрядно пощипанные обладателями авторских прав.

И поверьте, не все представители «старой экономики» сочтут меня разрушителем. Я вон как-то заикнулся в разговоре с Николаем Копаневым из питерской Публички – он заведует Библиотекой Вольтера – о своей сотне тысяч электронных книг.

– Это ноль! – в ответ Копанев на меня закричал. – Это просто ничто! Электронных копий должны быть миллионы! Миллионы! – топнул ногой и побежал к себе читать в подлиннике переписку Вольтера с Екатериной, к которой, увы, не имею интернет-доступа я.

Что я могу? Разве что добавить к несуществующим миллионам эту статью.

2011

11. Темные аллейки// О том, почему русский писатель пишет о политике, а не любви

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Проза без жизни» http://kommersant.ru/doc/1760500)

Современная русская литература живет в соответствии с заветами Герцена, Добролюбова и Чернышевского. То есть в противофазе с Пушкиным или Довлатовым. Готов объяснить.

Этим летом сбылась мечта, которую я бы назвал мечтой идиота, когда бы она не сбылась. Я больше месяца валялся, условно говоря, на диване и читал – по преимуществу то, что называется современной русской прозой.

У меня накопилось.

К этому лету в моем списке обязательных к прочтению за три дня до смерти книг числилось 252 позиции.

Но если чтение переводных научно-популярных книг еще продвигалось, – то с отечественными художественными была беда. Я откладывал их на потом, маркировал и протаскивал курсором вниз все растущего списка, оправдываясь тем, что, скажем, Дима Быков все равно за день пишет больше, чем я читаю, Быков вообще самозарождается из кириллицы, как лысенковский овсюг из овса.

Но дальше откладывать стало невозможно, потому что самым интересным, когда читаешь книги скопом, написанные в одном временном потоке, в общем литературном процессе, – является что? Правильно: уловленное время. Точнее, шум времени, тут Мандельштам был точен. Так современный радиотелескоп улавливает не изображения звезд, а радиоизлучение, шум Вселенной. В книги, даже неудачные, влипают какие-то важные вещи, определяющие шум эпохи.

В общем, я стал читать современное русское. И Зайончковского с его «Городком», и расхваленных-перехваленных «Елтышевых» Сенчина, и «Мертвый язык» Крусанова, и «Таблетку» Садулаева, и «Географа» (который глобус пропил) Алексея Иванова и его же и «Общагу» (которая на крови; на десерт я придержал «Блудо и мудо», «Сердце Пармы» и «Золото бунта»), и «Армаду» Бояшова, и «Ананасную воду для прекрасной дамы» Пелевина, и недочитанного по мелочам Сорокина, ну, и, понятно, вездесущего Быкова – куда ж без него.

Это была, конечно, не вся современная литература (в очереди в затылок дышали друг другу Мамлеев, Пепперштейн, Кантор, последний Шишкин, а также Аствацатуров, Геласимов, Иличевский, за которыми, впрочем, снова занимал место Быков) – но и этот улов был немал.

Электронный ридер плюс интернет позволяли добывать любую книгу без труда. Поэтому, если Садулаев восторженно поминал Стогова, я немедленно переключался на Стогова, а когда приходила весть о моде на русского американского писателя Идова – я принимался за «Кофемолку», по пути успев спикировать в другой век, в «Больную Россию» Мережковского и в «Опавшие листья» Розанова. А когда глаза уставали, я электронные книги слушал.

Была в этом времяпрепровождении невероятная сладость возвращения в возраст осьмнадцати лет, когда единственные труд и забота – читать, читать и читать, а о прочем можно не думать, отчего будущее кажется прекрасным, как именинный торт.

И вот, если вначале я что-то читал с упоением (как романы пермяка Иванова – один о застывшем в подростках русском Питере Пэне, втиснутом в тело учителя географии, а второй об ангеле, заселенном в общагу), а что-то с раздражением (тут фамилии опущу), то вскоре и раздражение, и восхищение слились в ощущение, что разным языком, но одно и то же произведение пишет один и тот же человек. То есть я стал слышать тот самый гул эпохи, ради которого и затевал предприятие.

И главным в этом гуле была не то, что там звучало, а то, что не звучало (да, я знаю, что за такой подход следует давать по башке, но тут я согласен скорее получить, чем отказаться от слов).

Итак, первое: ни в одной из книг темой, пусть даже второго плана, не был труд – то есть, прошу прощения за избитый оборот, созидательный труд. Ни в одном из романов герои, пройдя преграды, унижения, обманы и предательства, не отреставрировали, скажем, старый пароход, чтобы дать ему новую жизнь и найти личное счастье. Более того, единственным известным мне романом, где такой труд присутствовал, был вышедший в 2000-м «Ноль часов» Михаила Веллера. Там команда крейсера «Аврора», отремонтировав двигатели и орудия, отправляется через Неву, Ладогу и канал имени Москвы в первопрестольную, дабы из главного калибра расфигачить Кремль с обитателями, – что делает этот текст родственным позднее написанным «Дню опричника» или «Сахарному Кремлю» Сорокина, или ранее написанной «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, то есть памфлетом, политической сатирой, талантливой карикатурой.

При этом, упоминая пресловутый «созидательный труд», я вовсе не имею в виду социалистическую литературу США 1920-х и 1930-х, невыносимо назидательную и тоскливую, будь то Эптон Синклер или Синклер Льюис. Я имею в виду то, что составляет немалую часть обаяния, например, «Унесенных ветром» Митчелл, когда удовольствие доставляет следить, как Скарлетт О'Хара восстанавливает порушенную войной усадьбу (а не только занимается шашнями с Реттом Батлером, который, к слову, зарабатывает на контрабанде. Чем не труд?)

Вся работа во всех русских романах сведена к мелькающему на заднем плане офису, который перерабатывает людей в планктон, питательную среду для китов капитала. Единственный роман труда – это «Кофемолка». Там молодая пара, из числа тех американцев, что деньги заработала виртуально, на финансовых производных, решает вложиться во что-то реальное – и открывает венскую кофейню в Нью-Йорке. В этом городе много таких, разбогатевших и наивных, мечтающих об идеальном ресторанчике, о правильном магазинчике. И вот читать эту историю невероятно увлекательно, хотя и грустно, потому что в Москве и Питере кипят те же страсти, и даже я могу порассказать, какие blood, sweet amp; tears стоят за открытием каждого нового ресторана Арама Мнацаканова или «Гинзы» – однако ж романов про эти нешуточные страсти-мордасти нет.

Второе. В современной русской литературе нет места страстям, нет места любви. В ней любви вообще нет. То есть описания типа «наутро Михаил понял, что не может обойтись без Елены, он набрал ее телефон и долго вслушивался в гудки» – такие цепочки слов есть, но это, с точки зрения романа, не любовь. Это дерьмо. Я не знаю, что случилось и почему никто из писателей не может любовь нарисовать – в лучшем случае обозначить: типа, да, влюбился, страдал, а она крутила с менеджером постарше и не ценила. У меня вообще есть подозрение, что то, что мы называем любовью – (по)жар страстей, зажигающий конкретную исторически и социально определенную жизнь – это результат воздействия не только и не столько вброшенных в кровь гормонов, сколько культуры. Под влиянием культуры игра крови принимает ту или иную форму, и это никакое не умствование. В средневековье, ска-

жем, в любви значение имел лишь объект. Рыцарь ехал на битву ради Прекрасной Дамы, – важно было, что дама прекрасна. А Возрождение поменяло субъект и объект местами. Как писал Давид Самойлов:

Говорят, Беатриче была горожанка
Некрасивая, толстая, злая.
Но упала любовь на сурового Данта,
Как на камень серьга золотая.

Сколько раз мужчины тонкого душевного устройства падали, как из самолета без парашюта, в любовь к вульгарным толстухам! Сколько раз нежные женщины уступали похотливым кабанам, – и в спальню, видя в этом толк, пускали негодяев.

Хотения тела и веленья ума, похоть и разум, сердце и мозг – все эти битвы, собравшие и разгромившие целые армии, а параллельно породившие и «Крейцерову сонату», и «Легкое дыхание», и «Отца Сергия», и тьму, тьму, тьму рассказов, повестей и романов по всему миру – все эти неразрешимые противоречия, Кантовские антиномии, трансцендентальные единства апперцепций почему-то остаются вне современной русской прозы. И даже поэзии. Два главнейших современных русских поэта – Всеволод Емелин (и, понятно, Дмитрий Быков) известны не как любовные лирики, а как создатели рифмованных сатир. («Бог не фраер, Бог не шлимазл, в руках его пряник и плеть. Кому пожелает, он дарит газ, кому пожелает – нефть» – Емелин, «Гражданин поэт» – Быков).

Попробуйте отыскать в потоке новой русской литературы роман о любви, о том, как, не знаю, обманчиво внезапно, на пустом месте, возникает невозможная, необъяснимая любовь к тому, к той, кто по всем параметрам недостоин любви – ну, к уборщице Большого театра – и которая меняет влекомого жизненным потоком героя, что он начинает плыть против течения. Но что при этом ревущий поток любви так силен, что он заглушает поток похоти, и мужчина бессилен со своей жертвой в кровати. Я в жизни такие истории знаю. Но я не знаю ни одного в литературе их описания. Любовь в литературе умерла, – ей-ей, даже в дамских романах (где всегда присутствует картонная историйка, как героиня влюбляется в сына подруги и везет его на Багамы) любви куда больше.

Третье. Как ни странно, несмотря на все обвинения в разнузданности, современная русская литература удивительно неэротична. Она не умеет рассказывать о сопряжении тел так, чтобы вызвать возбуждение. Эротичен – и, честно говоря, порнографичен – Бунин. Таковы его «Митина любовь», его «Темные аллеи». В «Аллеях» есть один, нежно любимый мною, рассказ, «Начало», как 12-летний мальчик теряет невинность – не в пошлом смысле, а в главном – когда в поезде, наблюдая зашедшую влюбленную и несомненно близкую пару, задыхается, видя, как молодая женщина, упав на диван, отстегивает что-то от шелковых серых чулок, поднимая платье до голого тела между ним и чулками, и оправляет подол. Небо падает на мальчишку. У Бунина вообще в деталях, в описании нечаянностей впопыхах, локтей, ладоней, не просто дьявол – там все Люциферово войско. Умел нобелевский лауреат описать жаркое и жадное тело, знал в жажде тела толк, знал все повороты… Ну, и Пастернак с Набоковым – эти тоже знали и умели.

В современной прозе нет никого, способного описать, как зарождается, развивается и удовлетворяется желание, – да так, чтобы сдетонировало. Хотя формально сексуальных сцен при этом – масса. Но все они напоминают русское порно, которое я вам искренне советую в образовательных целях как-нибудь разыскать в интернете. В этом порно совокупление всегда выглядит собачьей свадьбой: на мордах животных, как известно, эмоции не проступают. Вот и в русском порно на лицах участниках различимо единственное желание: быстрей кончить и получить свои сто баксов. Возбудиться там можно разве от антуража: ковра на

стене, полированной стенки гэдээрошного производства с хрусталем или припаркованных у поляны «Жигулей» с номером Тверской области «69». (И, кстати, главный порнограф нашей страны Прянишников – обаятельнейший джентльмен, владелец SP Company – жаловался именно на это, признавая, что предпочитает западных актеров).

Ну, у Улицкой порой встречаются порочно-невинные описания девочек, всех этих первых потных, жарких, липких игр, родственных тому, что были у Лимонова в «Великой эпохе» (при русской журнальной публикации их предусмотрительно выкинули, но во французском издании были). Но Улицкая – единственная, кто пишет тексты, рассчитанные не на человека эпохи Москвошвея, а говорящая сразу со всем миром, – это какое-то во всех смыслах редчайшее исключение из принятых в современном российском литературном процессе правил. Она – да, может быть, Терехов с «Каменным мостом». Потому Улицкая и напоминает все больше океанский лайнер, возвышающийся над портовой мелочью фелюг.

Вот, собственно, и все три моих наблюдения. Я честно попытался описать, чего в современной литературе нет. Я так же честно могу сказать, что не понимаю, отчего так произошло. Все, что в современной прозе есть, даже самой изощренной, вроде пелевинской (и быковской, разумеется), – это социальная сатира. То есть вся нынешняя русская литература есть публицистика. Разящая то Кремль, то строй, что, впрочем, все больше одно и то же. Русская литература – это все та же написанная век назад «Свинья матушка» Мережковского, которую можно смело переиздавать под разными обложками сегодня. Царь. Чиновничья шелупонь. Ссучившиеся менты-полицаи, которые, даже подыхая, тащат за собой на тот свет других. PR– и политтехнологи. Жизнь за бабло. Что у Пелевина, что у Садулаева, что у Сенчина. Разница лишь в таланте владения словом и в глубине обобщений.

И даже если я предположу, что так вышло оттого, что литература ушла в публицистику, потому что публицистика сегодня в России запрещена на самом популярном информационном уровне, то есть телеэкране, – то, вероятно, тоже дам крайне неполное объяснение. Я не знаю, не знаю, не знаю, почему литература именно сегодня проиграла, говоря словами Довлатова, «борьбу за сохранение ее эстетических прав за свободное развитие ее в рамках собственных эстетических законов, ею самою установленной», а стала заниматься тем, чем Вяземский советовал заниматься Пушкину, а затем вся интеллигентская критика, от Герцена до Белинского, стала советовать заниматься всем писателям – «согревать любовью к добродетели и возбуждать ненависть к пороку».

Довлатов, кстати, остался удивительным образом в стороне от этих согревания и возбуждения, – возможно, потому и не выходит из моды вот уже двадцать лет, что в мире моды редкость, – и я сам тут с удовольствием, между Крусановым и Прилепиным, перечитал «Зону» и «Заповедник».

Вот, может быть, это и причина, почему я и не пишу романы, хотя мне настойчиво советует роман написать, кто бы вы думали? – ну, конечно же, Быков.

2011

12. Список Шиндлера// О тех научно-популярных книгах, которые повлияли на автора

(Тема была отклонена в «Огоньке». Текст был опубликован на Slon, дав старт десяткам публикаций других авторов в продолжение темы: http://slon.ru/economics/10_knig_ot_izvestnykh_lyudey-681510.xhtml)

Каждый год, начиная на журфаке спецкурс, я проделываю вот какой трюк.

– Для вас, дорогие коллеги, – зловеще понижаю я голос, – у меня ровно две новости. Плохая в том, что вы темны, как сибирские валенки в безлунную ночь. Я вам сейчас зачитаю один список, – и если хоть один из вас объяснит, какую идею человек из списка добавил в копилку идей человечества, вам всем будет зачет. И в этом состоит хорошая новость. Ибо своим знанием знающий искупит незнание ваше, как Спаситель страданием искупил грехи наши. Истинно говорю вам, что поставлю! Аминь.

Результат предсказуем. С таким же успехом я мог просить объяснить, чем поэзия отличается от прозы. (Да, правильно: не рифмой. А чем? Ответ можно найти, почитав Жирмунского, Томашевского, Холшевникова – или записавшись ко мне на семинар.)

В списке, который я зачитываю, нет никаких философов. Ни Бадью, ни Адорно, ни Делеза. Все сплошь – современные американские и европейские публицисты либо ученые, популяризаторы знаний. За границей их книги расходятся как горячие пирожки, издаются миллионными тиражами, и пересказывать их содержание просто: после выхода в 1960-х «Структуры научных революций» Томаса Куна, введшего в обиход понятие парадигмы, весь научпоп на Западе и строится по принципу парадигмы, то есть описания концепций, а не явлений. Ну, как бы объяснить? Скажем, парадигма образования Руси историка Ричарда Пайпса состоит в том, что страна возникла как надстройка на базе предприятия норманнских пиратов, известного как «путь из варяг в греки», подобно тому, как Ост-Индская компания шестью веками позже обрастала собственными армией, полицией и т. д. (И вам теперь этой парадигмы вовек не забыть.)

Парадигматический подход сам произвел революцию: благодаря ему сложные теории стало возможным излагать популярно.

Ужас в том, что как только на Западе возник такой замечательный метод, в СССР перед западной мыслью захлопнулась дверь (а когда снова открылась, у нас уже перестали читать). Сегодняшний средний образованный русский застыл на докуновском этапе, – увяз где-то в экзистенциализме. И нынешнее непонимание между русскими и европейцами, русскими и американцами, даже не непонимание, а пропасть, связаны еще и с тем, что там новейшие парадигмы, отразившись от книг, от журналов, от теле– и радиошоу, вошли в общественное сознание. В то время как у нас они вообще не известны.

Так что вот мой список из 10 современных non-fiction книг, серьезнейшим образом меня изменивших. «Списком Шиндлера» я его назвал, потому что как промышленник Оскар Шиндлер включением в свой список давал жизни евреям – так и я надеюсь этим списком дать жизни идеям.

1. John Perry Barlow. Cybernomics: Toward a Theory of Information Economy. Брошюрка в 10 страниц, которую способен осилить по-английски любой смышленый старшеклассник. Суть в том, что постиндустриальная

экономика начинает копировать биологические формы жизни. В свою время эти 10 страниц взорвали Wall Street.

2. Ричард Пайпс. «Россия при старом режиме»; «Русская революция». Лучше Пайпса про новую русскую историю ничего не написано. По Пайпсу, парадигма Россия есть патримониальная автократия, в которой абсолютно вся собственность принадлежит единственному лицу, называемому самодержцем, генсеком либо же президентом.

3. Эдвард Радзинский. «Три царя» (Александр II, Николай II, Сталин). К Радзинскому у высоколобых принято относиться снисходительно – а, популяризатор! Любимец домохозяек! – однако три книги, основанные исключительно на документах, ошарашивают тем, что являются иллюстрацией к парадигме Пайпса. Особенно хорош том про Александра.

4. Самюэль Хантингтон. «Столкновение цивилизаций». Набросок книги в виде статьи вызвал в 1990-х бурю. По Хантингтону, современная парадигма мира в том, что сталкиваются не идеологии, а культуры, то есть цивилизации. Русская цивилизация им обозначена как Orthodox, что можно перевести как «православная», а можно – «ортодоксальная».

5. Джаред Даймонд. «Ружья, микробы и сталь». Том, увесистый, как кирпич, содержит ответ на вопрос, почему у одних стран есть все, а у других – ничего. Если ужать до одной фразы: преимущества у тех континентов, что вытянуты с запада на восток, потому что так легче обмениваться технологиями. 752 страницы разъяснений прилагаются.

6. Стивен Левитт, Стивен Дабнер. «Фрикономика». Экономическая вольтижировка, в ходе которой становится ясно, что жульничество с ЕГЭ (или договорные матчи) можно вычислять математически. Своим студентам я неизменно говорю, что, прочтя эту книгу (ценой 432 рубля), я написал 5 колонок и заработал более 40 тысяч рублей – такой нормы прибыли нет даже у наркоторговцев. Сейчас читаю «Суперфрикономику».

7. Наоми Кляйн. No Logo. Килограммовая бомба, подложенная под бренды; прозекторская, где распластаны Nike, Adidas и прочий Benetton. Одно из чувств при чтении в России: у нас украли общественное пространство, заменив частным. В Москве, например, общественного пространства практически нет.

8. Стивен Хокинг. «Мир в ореховой скорлупке». Инвалид (речь за него модулирует компьютер) физик Хокинг объясняет теорию Большого Взрыва и принципы квантовой физики, – со страстью Радзинского и дотошностью Пайпса. Ознакомившись с теорией вероятности в его изложении, я отучился говорить глупости вроде «история не имеет сослагательного наклонения». Еще как имеет!

9. Ричард Докинз. «Бог как иллюзия». Биолог, дарвинист, один из создателей меметической парадигмы (объясняющей, как человечество усваивает знания), дает столь блистательную критику религии, что после нее критика атеизма в устах какого-нибудь Всеволода Чаплина звучит детсадовским лепетом.

10. А вот здесь у меня книг много: и Жиль Кепель с «Джихадом», и Шульгины с «Фенэтиламинами», и Гладуэлл, и Фергюсон, и Закария, и Фукуяма с «Великим разрывом», и Фридман со «Следующими 100 годами» (там, кстати, доказывается, что российская империя развалится в

2030-х в результате военного поражения…) Ей-богу, не могу ни выбрать одного, ни остановиться.

И напоследок – одно замечание. Любой список становится капканом, если из него нельзя перепрыгнуть в другой список, открыв новые идеи и новые имена. Так что ниже – еще один список: из 10 людей, чьи списки из 10 non-fiction книг, сильнейшим образом на них повлиявших, мне было бы интересно узнать. Собственно, это прямое к ним обращение, хотя я не с всеми знаком. Ау, Григорий Шалвович! Обнимаю, Лев Яковлевич! Отзовись, Дмитрий Львович! Не отмалчивайся, Александр Петрович! Вот этот список:

1. Григорий Чхартишвили
2. Лев Лурье
3. Дмитрий Быков
4. Александр Никонов (который «Апгрейд обезьяны»)
5. Александр Секацкий
6. Дмитрий Зимин
7. Филипп Бахтин
8. Сергей Пархоменко
9. Александр Иванов (который директор Ad Marginem)
10. Алексей Венедиктов (или Аркадий Ипполитов? – мало 10 имен, мало!)

Коллеги, я начал – продолжение за вами!

2011

13. Нюхнуть телеэфира// О том, каким внутренним законом подчиняется телевидение

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1772501)

Сказав в феврале в радиоэфире все, что думаю о Валентине Матвиенко, я не ожидал, что меня к сентябрю вычистят со всех государственных и радио-, и телеканалов. Зато я теперь могу говорить про телевидение все, что хочу!

Сразу, чтобы не возникало вопросов: не ждите от меня разоблачений, политических инвектив и прочих боданий теленка с дубом, тем более что в моей ситуации последнее слово присутствует в женском роде. Ибо, как говаривал Сева Новгородцев, с чем борешься, на то и повязан будешь.

Важно другое.

Я, попав на телеэкран еще в прошлом веке, проведя с полтысячи эфиров (а там были такие экзотические вещи, как вечернее шоу «Экстра!» на «Дарьял ТВ». Вел я его с потрясающей красоты мулаткой Агатой, подбивая ее начинать приветствие с фразы «Вот стою я перед вами, простая русская баба…») – так вот, после всей этой бурной жизни, я искренне считаю телевизор уходящей натурой, неперспективной системой.

В то время как тыщи людей, от горящих взорами юношей до закаленных судьбой бойцов с седою головой, рвутся в телеящик, как будто внутри свила гнездо птица счастья завтрашнего дня.

И эти два представления о телевидении – изнутри и снаружи – настолько различны, и внешние представления настолько оторваны от реальности и фантастичны, что я, как честный человек, должен изложить свод телевизионных правил, играющих роль предупреждений.

Правило первое: коллективного труда

Все хотят быть лицами телеэкрана, – но даже программа, где ведущий с гостем один на один, является коллективным продуктом, на который у ведущего нет контрольного пакета. И у Познера нет, и у Опры Уинфри, и Ларри Кинга. Их несомненные труд и талант в реальности не обеспечивают и половины успеха, – и, думаю, Кинг и Познер не будут возражать. У Ларри Кинга, например – просто зритель этого не видел – стоял в студии огромный прозрачный экран, на который выводилась информация, которую по ходу эфира добывала и обрабатывала целая бригада. А уж Ларри обращал это в одну непринужденную реплику, – и все ахали «Ай, молодца!».

И у меня во время съемок «Временно доступен» сидела в ухе (скрытый динамик, подающий команды ведущему, так и называется – «ухо») продюсер Наташа, которая шептала вкрадчиво, но тоном таким, что попробуй не подчинись: «Отпускай ее… она раскрылась уже, готова, но не спугни… давай попробуй про детство мягонько спросить, про куклы… а потом жесткача про первую обманутую любовь», – когда, например, приходила такая непростая, закрытая гостья, как Валерия Гай-Германика. И я покорялся: в конце концов,

это Наташа два часа съемок превращала в образцово смонтированные сорок минут. А когда я однажды вспылил, и после съемок режиссера N. закричал, что программа была полным дерьмом, сплошным киселем, Наташа ответила тоном мамы, успокаивающей капризулю: «Какой же ты глууууупый… Это тебе кажется, что он ничего не ответил, но мы же глаза его сверхкрупно давали, и знаешь, как они зыркали?» За Наташиной спиной стояли, как тридцать три богатыря, восемь операторов, звукорежиссер, режиссер, монтажеры, администратор и далее по списку. Это писатель может родить книгу без помощи акушерки, а телевидение – всегда коллектив. Которым вдобавок из неведомой высоты повелевает незримая рука, определяющая темы, утверждающая (и часто запрещающая) гостей. Думать, что ты и есть герой, повелевающий жизнями, лишь на том основании, что тебя показывают на экране, – глупость несусветная.

Правило второе: телевизионной зависимости

Не сомневаюсь, что когда геном человека расшифруют полностью, то выделят ген, определяющий зависимость от телеэкрана – существуют же генетические комбинации, ответственные за склонность к алкоголю или раку груди. Кремни-мужчины, которые поднимутся из окопа в атаку, чьи принципы не сломать ни сумой, ни тюрьмой, – я видел, как ломаются, лебезят, унижаются, лишь бы остаться на телеэкране. Даже если с этого экрана нести придется такое, что завянут уши и у анатомического муляжа.

На ВГТРК памятна история С. – милейшего, обаятельнейшего парня, к тому же, что называется, русского европейца, – который по мановению высшей силы стал чуть не главным журналистом канала. Он очень быстро начал приговаривать «Путин и я» (боюсь, ген телезависимости отвечает и за преклонение перед властью), взгляд его надменно остекленел, подбородок задрался, потом перешел на «мы с Путиным», и, нет сомнений, дошел бы до «я и Путин», искренне веря, что вершит историю, – когда бы в один прекрасный день, отправляясь во Внуково на кремлевский борт, не обнаружил, что его участие в пуле аннулировано, а эфира у него больше нет. Парня, говорят, ломало так, как будто он царь, скинутый с трона (впрочем, большинство Романовых, от первого до последнего, власти не желали и короны пытались бежать: Николай II лишь после отречения вздохнул облегченно, хотя и напрасно).

Дмитрий Дибров любит повторять, что «у верблюда славы два горба», а поскольку с первого горба на телевидении скатываются практически все (и Дибров скатывался. Ему ли не знать!), то на второй лезут с энергией алкоголика, идущего заныканную бутылку, тем более, что телевизионное время скоротечно (см. ниже). В этом, кстати, причина, почему телевизионными людьми так легко манипулировать, склоняя к роли, которой они искренне устыдились бы на трезвую, то есть нетелевизионную, голову.

Правда, есть еще и нетелевизионные люди, но они в меньшинстве. Я сам из нетелевизионных. Не потому что талант, кр-р-расавец и умница (хотя не без этого), – просто отсутствует тот самый, определяющий зависимость, ген.

Правило третье: ускоренного времени

В 1996 году я вел программу, которая со мной в качестве ведущего продержалась ровно час. Она, впрочем, так и называлась: «Час мэра» и шла по питерскому «5 каналу», а мэром был Анатолий Собчак. После моего первого (и последнего) часа меня из эфира убрали, на чем, по слухам, настояла Людмила Нарусова, потому как это была (цитирую Кирилла Набутова, который, особо не афишируя, «Час мэра» продюсировал) «перепалка двух напуганных друг другом людей, хотя смотреть на это было куда интереснее, чем на одного человека, раз-

валившегося барином перед телекамерой». Я тогда действительно наскакивал на Собчака, и до сих пор считаю, что останься я в эфире, исход надвигавшихся выборов градоначальника мог быть другим: Собчак смотрелся выигрышнее в противоборстве, чем в барских монологах без оппонента. Я был дико на семейство Собчаков обижен, но потом, в Париже, когда Собчак был в эмиграции, мы отношения восстановили, он извинился, а когда вернулся в Россию, то приглашал в гости, и я бывал у него и у Людмилы Нарусовой на Мойке, – впрочем, сейчас не об этом, а о специфике телевизионного времени.

Один эфир – это как неделя в любой другой профессии. Год на телевидении – как десять нетелевизионных карьерных лет (забавно наблюдать, как через неделю тебя начинает пропускать без пропуска охрана; через месяц на улице здороваются незнакомые; наконец, через полгода просит автограф кассирша в супермаркете – катарсис!). Ровно один эфир программы «В круге СВЕТА» был у Светланы Сорокиной на «Домашнем», хотя перед тем глава холдинга Роднянский уговаривал ее чуть не год. Лишь пару месяцев прожили на телевидении «Русские сказки» Доренко. «Экстра!» с дивной Агатой тоже быстро сгинула без следа даже в рутьюбе. У большинства телеведущих не постоянные, а срочные – на месяц, два, максимум три – договоры подряда, что позволяет их вышвыривать вон безо всяких проблем с законом.

Если рвешься на телеэкран – знай, что, говоря словами Лукашенко, «жить будешь хорошо, но недолго». А хочешь стабильности, – иди в звукорежиссеры, монтажеры, операторы (вот у них постоянные трудовые договоры). Или в массовку – там за день работы мебелью на скамейках студии (3–4 съемки) стабильно платят по 400–500 рублей.

Да, и забывают телеведущего после вылета из эфира с той же скоростью, с какой начинали узнавать. Полгода – и ты, слава богу, так же, как все, как все, как все по земле ходишь, ходишь, ходишь, и спокойно расслабляешься по пятницам в биргардене. И никто не выкладывает ролик с тобой в пьяном непотребном виде в рутьюб, потому как никому ты не интересен. Исключение из правила – те, кто появились на экранах в 1990-е: их помнят до сих пор. Но тогда счастливо совпали телеэкран и свобода, – в ближайшее время в этом бутерброде будет лишь один ингредиент.

Правило четвертое: скромных доходов

О заработках телевизионных звезд ходят легенды (одна гласит, будто ведущему развлекательных викторин М. прямо в останкинскую студию Первого канала принесли наличными миллион «зеленых», – чтобы он в ту же секунду ушел на канал-конкурент, и М. ушел) – а самая неправдоподобная состоит в том, что все зарабатывают, как Иван Ургант или Тина Канделаки, которые зарабатывают крайне недурно, но вовсе не на телевидении.

Я лет семь назад вел переговоры с тем же Первым каналом о том, чтобы вести утреннее шоу, – канал предложил, дай бог памяти, тысячи полторы долларов. В месяц. За ежедневный трехчасовой эфир. Это примерно цена съемной «однушки» в центре Москвы – если, конечно, она в «брежневском» доме и без ремонта. А когда я выпучил глаза, он, глядя сквозь мои выпученные своими стеклянными, процедил: «Да не переживай, пара месяцев эфира – и начнешь получать свою котлету на корпоративах, свадьбах и похоронах!»

В его словах была сермяжная правда, но не вся. Как-то музыкальный продюсер N., способный сколотить популярный бойз-бэнд даже из банки просроченных шпрот, сказал: «Ты что думаешь, корпоративы – это Ургант с Галкиным?! Да Ургант с Галкиным – это сотая доля процента корпоративов! А 99 процентов – это люди, которых вообще никто не знает и нигде, кроме корпоратива, не видел, но именно они на каждом корпоративе пляшут и поют, потому что они корпоративные люди!»

Я это вспомнил, когда мы записывали «Временно доступен» с Александром Гордоном. Я спросил Гордона (ну, голос Наташи у меня в ухе заставил задать этот вопрос, если быть

честным) про его московское жилье, и Гордон ответил, что снимает квартиру. «Как – снимаете?» – искренне изумился я (уже без Наташи). «Да так и снимаю, что мои телевизионные доходы не позволяют мне в Москве квартиру купить».

(Чтобы вы представляли: основная масса телеведущих сегодня работает не на немногих федеральных, а на сотнях региональных, кабельных и спутниковых телеканалов. Их доходы отличается в разы, но в среднем примерно равны ставкам московских жриц продажной любви: от 2 до 15 тысяч рублей за пару часов работы. Сходство усиливает то, что как профессиональные жрицы продажной любви обслуживают за сутки несколько клиентов, так и жрецы и жрицы любви к телевидению записывают программы пачками, по 3–4 штуки в день – впрочем, нередко это их месячная норма).

Кстати, я пересказал слова Гордона телевизионной звезде Д. (познавшей своей, что называется задницей, что такое горбы телевизионного верблюда, и ныне угнездившемся аккурат на втором – в уверенности, что зафиксировал положение навсегда), – Д. хмыкнул: «Да этот Гордон – он вообще не телевизионный человек!»

И умчался, будучи телевизионным человеком, на своем «Мерседесе» достраивать загородный дом.

Даже не предложив подбросить меня до метро.

Правило пятое: соблюдения стандартов

Когда я рассказываю, что в 2000-м в программе «Вести» интервьюировал гостей-политиков в прямом эфире, причем вопросы задавал любые (за что очередным вылетом из эфира однажды и поплатился), молодая телепоросль мне не верит.

Сегодня телевидение – телевидение даже не цензуры, а форматов. Вел я в этом году на «России» вдвоем с Дмитрием Харатьяном программу «Большая семья» – эдакое «От всей души», радовавшее (надеюсь) домохозяек в обеденное время по выходным. И уже со второй записи знал, что вот сейчас в ухе голос продюсера Вики скажет: «Давай, дави на жалость! Теперь все женщины у телевизора должны разрыдаться!» – и что ровно через полчаса тот же голос потребует: «Все, хватит плакать, пора посмеяться!».

Смех-слезы, смех-слезы, по одной канве: что с Андроном Кончаловским, что с Михаилом Ефремовым, что с Наумовым и Белохвостиковой. И это я не в осуждение, а в объяснение. И не забывайте про невидимую руку, утверждающую/запрещающую программы (меня эта рука велела за диссидентство вырезать из уже смонтированных «Больших семей», оставив при этом Харатьяна, – так они и вышли в эфир, продолжая традицию вырезания изображений Бухарина-Каменева-Троцкого: спасибо, не расстреляли!).

Стандарт лучше всякой цензуры убирает с телевидения все лохматящееся в эпоху прилизанности – точно так же, как он вырезал все прилизанное в эпоху лохматости. И даже если вы гений, открывший тайну Вселенной, и желаете сделать по этому поводу на телевидении заявление – потрудитесь уложить свое открытие в 30 секунд, потому что ровно столько оставят вам на монтаже.

Да-да, телевидение сегодня – это невидимая рука, устанавливающая форматы, запрещающая людей и темы, плюс генетически модернизированные люди, готовые жертвовать годами жизни ради часа на экране, совокупно образующие тот самый внутренний формат, который чем дальше, тем меньше способен реагировать на перемены, происходящие в жизни, включая ту для ТВ смертельную тенденцию, что русский телевизор окончательно превратился в поляну для выгула бессмертных электоральных старушек, а прочие смертные рядами и колоннами сбегают в интернет.

Собственно, я и сам после телевидения пребываю большей частью в интернете.

Хотя если позовут назад – куда ж я денусь?

Помнусь-помнусь – да и полезу на второй горб.

2011

14. Проклятье Гиппократа// О том, что чувствует больной внутри российской медицины

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1776918)

Российская медицина похожа на российскую тюрьму. И там, и там тело пропускают сквозь конвейер (правда, с разными целями), не особо обращая внимания на то, что у человека есть еще и душа.

Прошедшим летом я встретил давнего знакомого, как бы его по-людски обозначить? – ну, пусть будет Артем.

Встретил в больнице, я там был на осмотре.

Мы ровесники, схоже мыслим, оба любим спорт, бегаем-прыгаем, оба полагаем здоровье своим частным достоянием и ресурсом, – в общем, разметанные жизнью близнецы, Зита и Гита.

А встретил я его за день до операции, когда он запрыгивал в больничном дворе в автомобиль, чтобы следующим утром, на чистый желудок и такую же совесть, лечь под нож, – а вот ночь накануне провести с семьей. Операция – ничего страшного или особенного, удаление наследственной болячки, рутина, вроде замены зубчатого ремня в машине (подробности неважны – мы оба с Артемом полагаем, что они интересны лишь больному и врачу, да и то во втором, честно говоря, не уверены). И поскольку Артем – до мозга костей рационалист, он все рассчитал: оперироваться летом (в офисе мало работы), в больнице провести минимум (современные методы хирургии позволяют), ну то есть вот так: выпорхнул поутру вольной птахой из машины в операционную – и через пару дней снова на волю.

Через пару дней я навестил его, по-стариковски сгорбленного, медленно шаркающего тапочками с логотипом Ritz-Carlton по больничному коридору, хватающегося в поисках опоры за стену.

Дело не в операции, она прошла хорошо (Артем, кривя рот, сказал, что анестезиолог обманул, он-то ждал известной по книжкам маски с хлороформом, но ему что-то ввели внутривенно, – и все, очнулся уже в палате). Но любое, даже локальное и с благой целью, разрушение организма – оно разрушение. Это сейчас Артем снова плавает и бегает, сохранив от пребывания в больнице лишь привычку восклицать в сердцах «Твою Голикову!» (врачи его научили) – но тогда он понял, что такое отказ организма в работе, пусть и временный. И очень сильно это воспринял.

И я воспринял. Во-первых, потому, что свое здоровье летом тоже проверял (мужчины невероятно мнительны, и я не исключение), а во-вторых, серьезные проблемы со здоровьем начались у близкой родственницы, и я рассказ Артема проверял семейной, увы, практикой.

Кое-что я записал. Чтобы не пропало. Ведь все там будем, разве не так?

Рассказ первый: о страховой медицине

О том, что у него проявилась наследственная болячка, Артем узнал давно, когда еще у руля медицины была не Татьяна Голикова, а Михаил Зурабов, которого тоже честили на

все корки и врачи, и больные, хотя, справедливости ради, до присказки «твоего Зурабова!» не доходили.

В районной поликлинике («полуклинике», как Артем выражается) он, понятно, не наблюдался. То есть заскочил однажды по глупости – но тут же выскочил, как ошпаренный. Потому что там запись по талончикам и на месяц вперед, потому что очереди и скрежет зубовный, потому что половины специалистов нет, а те, что есть, не осматривают, а пишут, пишут, пишут что-то в лохматую медицинскую карточку, компьютеров нет, – какая тут диагностика? Какое лечение?

И я готов засвидетельствовать, что времена голиковские ничуть не лучше зурабовских (да хоть и брежневских). Сам в сентябре в Питере зашел за справкой в «полуклинику» 31 (больше известную как «поликлиника первого меда») – и нашел завотделением, рыдавшую в голос, что вместо 10 врачей прием ведут трое, включая ее саму, потому что вместе положенной зарплаты в 26 тысяч рублей врач с 10-летним стажем получает 13 тысяч, что равно аренде комнаты в коммуналке неподалеку. Понятно, что все разбежались.

В общем, Артем на бесплатную, по полису ОМС, медицину, давно забил, и, через знакомых найдя приличных военных хирургов (с гигантской практикой, так сказать, кройки и шитья), наблюдал свою болячку у них, оставляя в конверте поначалу 300, потом 500, а потом и 1000 рублей за визит. Пока они не сообщили, что тело пора пускать под нож, и порекомендовали хорошую частную клинику. В хорошей частной клинике Артем отдал 10 тысяч за осмотр и анализы, а операцию ему пообещали провести еще за 25 тысяч, – и вот тут его стала, что называется, душить жаба жадности.

Эта болтливая – так ее Голикову! – жаба нашептала Артему, что со всех его доходов в казну платится социальный налог, что обязательное медицинское страхование включает его операцию, – в общем, эта социалистическая дура много глупостей ему наговорила.

После чего Артем отправился в полуклинику, где после сидения в трехчасовой очереди услышал от врачей-практикантов из мединститута, что про бесплатное нужно забыть, и что резать его могут исключительно за деньги, вон, при полуклинике есть коммерческий центр. А когда Артем начал пороть чушь про ОМС, они, почесав репы, ответили, что даже если Артему удастся попасть под какие-то «бесплатные квоты», то уж за анестезию ему придется платить точно. Иначе это будет такой наркоз, что лучше от него не отходить. И когда Артем, не поверив салагам, добился встречи с их начальницей, та все подтвердила – квоты есть, но сейчас нет, так что операция случится бог-те когда, и проводить ее будет бог-те кто, и разумнее, действительно, ложиться под нож у знакомых, но только не в частную маленькую клинику (а если срочно потребуется эндокринолог? Уролог? Онколог? Где они его у себя найдут?) – а в большую государственную, где много отделений, и операции поставлены на поток. И там, да, заплатить.

Я, признаться, не поверил Артему: мне показалось, что его разводили на денежную дойку, уж больно на его лице был прописан достаток. Но тут, повторяю, случились проблемы у нашей близкой родственницы, пенсионерки, и ее доили так – так и эдак за ногу их Голикову! – что господи, прости. Требуется обследование на позитронно-эмиссионном топографе? По ОМС – ждать 4 месяца (а у родственницы быстро прогрессирующая болезнь, когда и неделя проволочки опасна!). За деньги же – прямо сейчас. Операция? По квоте невозможно, но за 15 тысяч – прямо на этой неделе. 15 тысяч – это пенсия родственницы за два месяца. Убедить ее, что при коммунистах было хуже, невозможно. Потому что при Голиковой ей хуже, чем при коммунистах.

Рассказ второй: о кружке, ложке и кнопке

– А вот теперь, – говорю я Артему, – хватит тары-бары о преимуществах социализма. Давай-ка, мил человек, поделись ощущениями от пребывания здесь, в юдоли страданий.

Артем согласно кивает головой. Он лежит, а я сижу в его двухместной палате, за пребывание в которой он доплачивает в кассу больницы по 1000 рублей в день. Но я уже знаю, что доплата вызвана не только нежеланием лежать в «бесплатной» палате, где храпят, стонут, смотрят телевизор, болтают по телефону, играют в карты, писают в утку от 6 до 16 человек. Но и тем, что только в блоке «коммерческих» палат есть душ и стульчаки на унитазах. Причем, чтобы за удобствами не лазали бесплатные больные, коммерческий санузел закрывается на ключ – вот он, на тумбочке. А поскольку бесплатные больные могут лежать без душа неделями, – амбре там такое, какое только у российских старшеклассников после уроков физкультуры, потому что где вы найдете в российской школе раздевалку с душевой?

Самые яркие впечатления у Артема таковы.

Во-первых, в больнице нет ложек, вилок, кружек. Нет нигде, включая его платную палату. То есть постельное белье х/б разноцветное там есть, а всего вышеперечисленного – нет, совсем как в дни Артемовой боевой молодости, когда в армейской столовке ложек тоже не давали, и свою, алюминиевую, полагалось держать за голенищем сапога (на боевом дежурстве штык-ножом в черенке проделывалась дырочка, и туда вставлялась эмблема с родом войск – для красоты). Причем объяснение идиотизму железобетонно: пищеблок на отделении не положен по СНИПам, еда доставляется со стороны в пластиковых коробках, они выбрасываются, а мыть посуду негде – да и кто бы ее стал мыть? Так что Артем хлебал свой первый послеоперационный бульон через край одноразовой чаплашки, – пока жена не привезла столовое серебро.

Второе сильное ощущение, с точки зрения Артема, идеально характеризует государственную медицину в целом. Кнопка вызова дежурной сестры устроена в палате ровно посреди койки (я покосился – точно, посередине). Это значит, что прооперированный недвижный мужчина со свежим разрезом в животе не может дотянуться до нее ни рукой, ни ногой, а может только тем местом, которое у него после операции тоже бездействует. «А когда я спросил, почему кнопку не устроить в изголовье, – сказал Артем, – мне ответили, что зимой от окна дует, и многие лежат к нему ногами. А когда я спросил, почему нельзя устроить две кнопки, случилось примерно то, что с роботом из «Отроков во Вселенной», когда его спросили, что если А и Б сидели на трубе, и А упало, Б пропало, что осталось на трубе? – у робота, помнишь, программу заклинило».

А главным потрясением Артема было превращение его в стенах больницы в чурку, в заготовку, проходящую, как герой Чарли Чаплина, конвейер медицины, – где чурку надлежит обрабатывать вплоть до полного выздоровления. Иногда движение конвейера можно сделать более приятным (заплатив за отдельную палату; например. Или привезя из дома необходимое. Ведь если человека привозит «Скорая», он оказывается в больнице буквально голым: пижам больным, в отличие от советских времен, не выдают). Невозможно заставить конвейер принимать в расчет, что по нему движутся люди, – точно так же, как нельзя «Жигули» из средства относительного передвижения превратить в место комфортного пребывания.

При этих словах Артема дверь в палату открылась, и вернулся сосед Артема, а за ним ввалилась толпа практикантов и практикантоk, и с ними – пожилой врач. «Паховая косая двусторонняя грыжа! Показывайте!» – громогласно объявил пожилой, и сосед послушно спустил тренировочные штаны, продемонстрировав, помимо грыжи, свои гениталии не только медицинскому ареопагу, но и нам с Артемом, а также всем желающим за окном.

Когда ареопаг удалился, и сосед, натянув штаны и воткнув в уши наушники, отвернулся к стене, Артем, хихикнув, спросил, знаю ли я, чем государственный хирург на осмотре отличается от частного. И сообщил интимно:

– Государственный, ощупав тебе пах и все прочее, никогда не моет после этого руки. Я уж думаю – может, ловит кайф, а?

Не знаю, не знаю. Надо бы спросить Голикову.

Рассказ третий: о медсестрах и медбратьях

В больнице у Артема с собой ноутбук, ридер и коммуникатор. Почти у всех больных с собой нет– и ноутбуки, даже у горемык из бесплатных палат: время в больнице течет однообразно, прерываясь лишь на осмотры, перевязки, капельницы, еду. Коммуникации с вольным миром нужны как воздух, но интернета в больнице нет (по тем же причинам, по каким нет чашек-ложек и стульчаков). У Артема – безлимитный мобильный интернет, и он дает соседям бесплатно прикурить по wi-fi от коммуникатора, за что те делятся с ним журналами, DVD и книгами.

И он читает «Сажайте, и вырастет» Рубанова Кутзее вперемежку с интервью Ходорковского – и там, и там речь об отечественной пенитенциарной системе, удивительной напоминающей, повторю идею Артема, медицинскую. То есть наоборот. А самое популярное в его отделении чтение, особенно в женских палатах – скачанный из интернета текст журналистки Маши Гессен, которая в Америке прошла превентивную мастэктомию. У Маши обнаружили повреждение гена, почти неизбежно приводящее к раку груди – в таких случаях в США грудь удаляют заранее, не дожидаясь болезни.

Операция у Маши была жуткая, текст Маши тоже жуткий, и читая его, Артем морщился – особенно понимая, как американская медицина (дорогая и критикуемая американцами) отличается от российской. Артема потряс рассказ о послеоперационном уходе, когда к Маше была прикреплена персональная медсестра, и вообще выходило, что медсестер в американских больницах невероятно много. Артем же видел своих, лишь когда те приносили градусник, и даже вызвать их первое время не мог, по причине расположения той самой кнопки. («А попросить соседа?» – «Так сосед все время в наушниках. Я звонил жене, жена приезжала и находила медсестру»). И поступали так медсестры не по дурному характеру или потому, что вымогали, скажем, деньги (когда жена Артема пыталась сунуть одной конверт за дополнительный уход, та искренне оскорбилась), а просто потому, что людей, готовых за три копейки выносить утки, не спать в ночи, терпеть капризы (а больные капризны! Медсестра Тоня, с которой я в Артемовой больнице почти подружился, рассказывала, что мужики капризнее баб, но куда капризнее мужиков «восточные женщины, вообще не переносящие боли, которым не растолкуешь, что нельзя ей пока есть или пить – изнеженные ужасно!»), – таких людей вообще очень мало.

Вот, например, Артему хотелось бы, несмотря на слабость, выползти на улицу, там прекрасный денек, – но попросить медбрата вывезти его на коляске невозможно, – нет ни колясок, ни братьев, ни сестер. И это еще мелкая проблема, потому что паренька из соседней палаты, прооперировав, обложили в нужных местах пакетами со льдом, – пакеты свалились, сестры не было, теперь в него у полтела гематома, дико болит, врачи цокают языками.

Тут я предлагаю найти Артему коляску, но не нахожу, и он, опираясь на меня, решает спуститься во двор. Прелесть что такое больничные дворы! Мы с Артемом, не сговариваясь, подмечаем их экстерриториальность, вроде Запорожской Сечи, откуда выдачи нет – ни родственникам, ни кредиторам, ни государству; под сенью их древних лип все больные единым мирром мазаны, отсюда дворовой покой, дворовые покои.

Обе скамейки во дворе заняты, но дальше пустует третья, на которой обозначено: «Только для персонала!» Мы садимся, но через минуту нас злобно сгоняет тетя в белом халате, хотя видит, в каком состоянии Артем.

– Знаете, – говорю я, начиная кипятиться, но стараясь не доводить до извержения, – ваша проблема в том, что лечить вы, возможно, умеете, но милосердия в вас нет. Вы недобрые.

– Рассуждать по телевизору будете, – отвечает тетя с абсолютно искренним равнодушием. – Скамейку освободите, а то на отделение сообщу!

О, господи, – твою Голикову!

Рассказ четвертый: о твоей Голиковой и о больничном

Признаться, больничные описания Артема показались мне любопытными, но не криминальными, включая легкое потрясение от того, что прооперировали его все же бесплатно, в пределах квоты и по ОМС, а уж 15 тысяч забрал особый человек, затем их перераспределявший (потом, правда, я услышал, что в других больницах платят непосредственно хирургам, и что 15–20 тысяч – цена среднего хирургического вмешательства: например, операции по удалении селезенки).

И присказка «твою Голикову!» звучала в его исполнении слегка нарочито – так начинающий журналист, побывав в колонии, начинает в дело и не в дело произносить «осУжденные».

В конце концов, здоровье Артему вернули? Вернули. А что в больнице нет туалетной бумаги, интернета, медсестер, и не действует ОМС – это детали. («Ага, – фыркнул Артем. – Главное, чтоб не было войны. А прочее фигня. Включая то, что у нас налоги – не налоги, а государственный рэкет. И Голикова твоя – для меня рэкетир. Потому что если я плачу государству налоги, а потом плачу за государственную медицину – то это не налоги, а бабло Голиковой в карман. Я дурак, нужно было валить отсюда в 90-е – а теперь поздно, на пенсию не успею заработать, но сына я из России, когда подрастет, пинком под зад выставлю…»

Я, признаться, тогда проглотил про «мою Голикову», но недавно снова вспомнил, когда Артем – уже выздоровевший и вышедший на работу – позвонил и потребовал, чтобы я написал «про фашизм и геноцид, то есть про эту голиковскую новую систему больничных листов». И рассказал, как пытался оформить больничный.

До операции Артем полагал, что главное душегубство российской системы больничных в том, что какие деньги ни зарабатывай – хоть миллиард, – выплаты по больничному ограничены 35 тысячами рублей в месяц. Под эту систему однажды попал начальник Артема, парнишка новой формации, которого жестко скрутил грипп, так что пробыть на больничном пришлось две недели, за что ему выплатили не 200 тысяч рублей, как он ожидал, а 17, – а у него были машина в кредит, ипотека и частный детсад, и он в итоге занимал где мог, потому что, твою Голикову, твоего Медведева и твоего Путина, иначе мог очутиться с женой и детьми на улице.

Но Артем не знал, что во времена правления прелестнейшей, очаровательнейшей Татьяны Алексеевны Голиковой в стране введена новая система оформления больничных листов. Согласно которой заполняют их строго печатными буквами. Без единой помарки. Все дико строгой отчетности. С соблюдением кучи правил, включая то, что после инициалов врача нельзя ставить ни точки, ни пробела, – а после сокращений в названиях учреждений ставить нужно. Или наоборот. Там все запутались. В общем, когда Артему испортили седьмой по счету больничный (три – в больнице, четыре – в поликлинике), он взревел диким вепрем, пожелав Голиковой вечно заниматься собственным больничным в аду. Потому что Артему приходилось каждый раз ехать в больницу, а это край города. А потом в поликли-

нику, – а это другой край. Живет же он в третьем краю. И начальник Артема, когда в офисе закипела работа, сказал ему прямо, что тот должен выбирать между Голиковой и доходом. И Артем, забыв свои первые послеоперационные мысли – о тщете земных дел, о душе, о вечности, о выборе между истиной и необходимостью, – выбрал: он позвонил мне. И в деталях описал, что бы он с Татьяной Алексеевной Голиковой сделал (помимо отправки в ад районной полуклиники) – и если бы я пересказал хотя бы треть, то муж Голиковой, вице-премьер Христенко, как честный человек, должен был бы Артема бить. Хотя, боюсь, спортивный Артем навалял бы ему.

А так, как видите, я спас правительственного мужа.

С Голиковой магарыч.

2011

15. (ОБС)Ценный синдром// О том, почему ожесточаются публичные споры

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Бесцензурщина» http://kommersant.ru/doc/1810916)

Не знаю, замечали вы или нет – но не замечать уже невозможно – то, что неподцензурные политические высказывания в России становятся все более нецензурными?

Я именно об этом.

Потому что и без очков видно, что за последние года три эстетический политический комментарий (т. е. претендующий на образ, на афоризм, а не на участие в «реальной политике») резко радикализировался, балансируя на грани (не)пристойности. И, в общем, все дальше отодвигая (и размывая) грань.

Почитайте редакторские колонки в Esquire или высказывания Ксении Соколовой в GQ, вспомните публичное предложение светской обозревательницы Божены Рынска, адресованное некой «балтийской гниде», идти в известном направлении: направление указывалось прямо (да и гнида угадывалась легко).

Эта радикализация не есть эстетическая провокация. Она не имеет ничего общего с теми публикациями, от тайного Пушкина до явного Баркова, что дефлорировали сознание советского человека в 1990-е, ни с искусством запустить в речь обсценную лексику на манер перца в шоколаде (я про «перец» в основном значении). В этом новости нет: жонглировать словами и слоями образованный класс всегда умел («Идите в жопу, пионэры!» – классика от Раневской; меньше известно про коллекцию похабностей Юрия Никулина – великий клоун мог и при дамах процитировать как малый, так и большой «петровский загиб», про содержание которого справьтесь у Яндекса).

Нет, тут новая штука.

Когда лояльное политическое высказывание стало неотличимо от римминга, оппозиционное высказывание стало обретать вид прямого оскорбления. Последним поводом стало отречение Дмитрием Медведевым даже не от власти, а от неких приличий в процедуре возвращения державы и скипетра тому, кто дал их подержать, – а без приличий уход смахивает на снятие зиц-председателя Фунта, отработавшего табличкой «место занято».

Тут уж взорвались все социальные сети, и ЖЖ, и фейсбук, а наиболее показательно твиттер. Там, если кто не знает, существует микроблог KermlinRussia. Если официальный (и тоскливый, как зимнее утро на Балтике) блог Дмитрия Медведева называется KremlinRussia, имеет 185 тысяч подписчиков и ведется от имени действующего президента России, то дико смешной KermlinRussia имеет 154 тысячи подписчиков и ведется от имени перзидента Роисси. Так вот, если до известных событий твиттер перзидента был эдаким транслятором шуточек в духе позднего Брежнева («За 50 лет нам удалось пройти путь от освоения космоса до освоения бюджета»), то теперь превратился в шипящую гюрзу («Путин – это объективная реальность, данная нам в отвратительных ощущениях»; «Dura president sed president» – это самые невинные из твитов; жесткие действительно жестки).

И это не просто реакция неких виртуальных писак (мат – не столько норма сетевого общения, сколько побочный продукт: по моим наблюдениям, дискуссия в ЖЖ, собирающая более 50 комментариев, на одной из ветвей сама собой перерождается в то, что после интер-

нет-перепалки Татьяны Толстой с упомянутой Боженой Рынска стало изящно именоваться «говносрачем»).

Что называется, позволять себе вдруг стали все – от кроющего трехэтажным матом министра Голикову актера Садальского до державшейся доселе в стороне от политики Ксении Собчак. Она много раз объясняла, почему политику не комментирует (Путин в свое время спас ее отца от ареста, обеспечив бегство в Париж). Но и Собчак сподобилась: запустила в оборот, после появления на телеэкранах Медведева с бадминтонной ракеткой в руках, выражение «гонять волан» как эвфемизм глагола «мастурбировать» в значении «заниматься пустым делом, не приводящим к результату».

Еще раз повторю: с времен Ельцина и Собчака до времен Путина и Собчак многое изменилось. Если в 1990-х поэта Быкова сажали в тюрьму за мат в газете «Мать», то есть за литературную игру, за эпатаж публики – то теперь Быков в проекте «Гражданин поэт» эпатирует власть. (Из последнего – быковское «Обкаркались» на манер Эдгара По: «– Вот теперь, – сказал я, – птица,/ понимаешь, чем гордится/ Наша жирная столица обезжиренной Руси?/ Почему у нас внезапно/ стало так тепло и затхло,/ Почему о нас назавтра/ не расскажет Би-Би-Си?/ Верь: за наш утихший ропот,/ за ползучий полушепот/ И за весь российский опыт/ вертикали и оси/ Штаты, Чайна и Европа/ скоро скажут нам мерси!»/ Ворон каркнул: «Отсоси»).

И насчет «оскорбления» – это не мой домысел, а аргумент Натальи Синдеевой, главы телеканала «Дождь», снявшей с эфира «Гражданина поэта» потому, что стихи Быкова, на ее взгляд, персонально оскорбляли Медведева (это был выпуск, где под есенинским стилем прятался наезд на тандем – «Я ль скакал весенней гулкой ранью/ Или кто другой скакал на мне?»). Но, по сравнению с последними выпусками «Гражданина поэта», это было еще мило: эволюция от копытных к пернатым впечатляет.

Причины того, что гражданская позиция все больше выражается через жесткое слово, доводимое до полной жести, вроде бы очевидны (потому что за выход на площадь с плакатом дают по башке; остается браниться), но есть два важных момента.

Первый: авторы самых жестких высказываний находятся в безопасности. Быкова, слава богу, не сажают. Когда в эфире «Вестей FM» я сравнил Валентину Матвиенко с Гитлером, она на меня в суд не подала (и не подаст). Божену Рынска не преследовал грузовик с надписью «Хлеб» (хотя, по слухам, не развивать тему «балтийской мрази» ее уговаривали чуть не Нырышкин с Нарусовой). И когда Арсений из группы Padla Bear Outfit на вручении музпремии «Степной волк» заорал: «Долой полицейское государство! Свободу Ходорковскому!» и снял штаны, показав зад и перед, – его не замели за хулиганку. Пострадал разве что рэпер Noize MC, получивший 10 суток после того, как на концерте в Волгограде назвал ментов «животными с красными кокардами» – ну, так то была месть местных, а не столичных животных.

Это отсутствие реакции со стороны власти объясняется, на мой взгляд, тем, что сегодня в России зафиксирован переход от тоталитарного государства к авторитарному. В отличие от тоталитарного, авторитарное государство личную жизнь граждан не контролирует, – а к этой жизни относятся и частные премии, и частные площадки в интернете. Структура, называемая «владимирпутин» (в одно слово, с маленькой буквы) куда сильнее Владимира Путина. Поэтому эпоха включает в себя массу завоеванных (всеми, включая чиновничий класс и правящий клан) свобод. Запрет быть свободным в интернете означает пересмотр неписаных правил всего царства – и этого владимирпутин Путину, доселе глаз не выклевавший, может и не простить (у Владимира Путина вообще, между нами, немного шансов на спокойную старость).

Второе: особенностью современного русского царства является то, что власть – то есть орден, квартирующий от Старой площади до Лубянки, подмявший под себя государство –

замечает лишь своих. А чужих, то есть обычных граждан, он не просто в упор не видит, но и за людей не считает. Он их замечает их лишь тогда, когда они (по мнению ордена) начинают ему угрожать. Так вот, площадная политическая брань, радикальный политический жест – это попытка сымитировать угрозу и создать ситуацию, когда власть игнорировать тебя больше не сможет. Потому что автоматически идентифицирует как врага. То есть когда признает, что ты не пыль, а человек.

Получается, что если хочешь, чтобы тебя, наконец, признали человеком – надо делать то, что потенциально чревато судом. Посылать реальных людей на *** (статья 319, оскорбление представителя власти, до года посадки). Рисовать член на Литейном мосту напротив ФСБ, или в рамках акции «Дворцовый переворот» переворачивать машины ментов на Дворцовой (тут можно доиграться и до статьи 205, «террористический акт», вплоть до пожизненного).

Но несмотря на то, что арт-группу «Война» прессуют по полной программе, радикализация высказываний, заявлений и проявлений день ото дня будет нарастать.

Потому что огромному числу людей ощущать себя человеком – свободным человеком – важнее угрозы потери свободы.

И площадная брань на площадях будет все слышней.

И лодка будет раскачиваться все больше.

И ее шансы перевернуться будут все выше.

И я, прекрасно все это понимая и зная, тоже буду ее раскачивать.

Потому что на *** мне сдалась жизнь в нелюдях?

2011

16. Иммунитет к мошне// О том, что экономная жизнь повышает уровень жизни

(Опубликовано в «Огоньке» под заголовком «Беззапасность жизни» http://kommersant.ru/doc/1816095)

У нас в стране замечательно отлажена структура потребления. Чего, к сожалению, не скажешь про структуру накопления. Я искренне скорблю.

У меня есть студенты. Вероятно, в том причина, отчего сначала знакомые, а затем знакомые знакомых стали просить принять участие в судьбе очередного чада, перебирающегося в Москву.

Я про этих чад заранее все знаю. Мальчик где-то там 18–19 лет, не поступивший в краснодарский-красноярский-калининградский университет. Живший с папенькой-маменькой в «двушечке»-«трешечке» (имелась своя комната). Отмазанный за мзду от армии. Решивший (хуже ведь не будет, так?) покорять столицу. Промотавший лихо и быстро все даденное родителями и столкнувшийся с тем, что платят в столице за работу «без опыта работы» (официантом, барменом, продавцом – тут, считается, опыт ни к чему) чуть меньше, чем стоит снять «однушку» у МКАД. И в этот момент переданный мне сердобольными знакомыми знакомых.

Я от встречи с чадами обычно пытаюсь отвертеться, поскольку знаю, что результат будет нулевым. Ибо я скажу правду: что для покорения Москвы придется довольно долго жить скудно. Снимать не комнату, а угол. Сделать исследование рынка труда, рынка образования – но, возможно, остановиться не на том, что хочется, а на том, что реально. Много-много работать и жестко-жестко экономить. Про соблазны, суши, кальяны и клубы, «Белку» и «Стрелку» (два модных бара на «Красном Октябре») – забыть. Вести дневник, гроссбух и список необходимого к изучению, просмотру, прочтению. В принципе, мне бы поговорить с родителями – готовы ли ради учебы отпрыска в Москве отказаться от иномарки в кредит. И тогда постепенно, шаг за шагом, годам к 30, можно рассчитывать, что твоя корневая система укрепится в Москве. То есть надо отказаться от счастливой юности в обмен на уверенную зрелость.

Вот и недавно сосватанный Ваня из Энска точно таков. Толстый вязаный шарф, трикотажные брючки, белые кроссовки, сумка-шоппер – модный. Чего хочет от жизни? Заниматься ресторанным бизнесом. Тогда тебе, Ваня, надо перебираться в Питер к Мнацаканову, он единственный, кто в своих ресторанах учит всему – и кухне, и залу, и бухгалтерии. Что? Официантом и поваром не хочешь? Хочешь свой ресторан? А еще? Быть арт-директором в модном журнале? А ты фотографируешь, работаешь в «Индизайне» или «Кваркэкспрессе»? Тогда тебе на курсы графического дизайна, а затем – за 15 тысяч в месяц в ассистенты арт-директора годика на три. Нет? Хочешь пентхаус, а для начала – айфон и айпэд? Так вот же у тебя айфон! Кстати, откуда? А, подарил «один человек»… Но этой айфон черный и третьей модели. А нужна четвертая и белая. Куда ж без этого…

Живет Ваня то у друзей, то у подружек, а когда не у кого, ночует в «Шоколаднице» – в круглосуточных «Шоколадницах», оказывается, не гонят из зала, если взял чашку чая. Трудовой книжки у Вани нет, он окончил какой-то компьютерный колледж, но когда я предлагаю

подзаработать, подключив мне рутер, – тут выясняется, что его «этому не учили». Помощи от родителей он не ждет, потому что они только что взяли в кредит джип, – в общем, джип этот большей частью на приколе, потому после выплат банку денег на бензин нет. А у Вани с августа нет работы, но он верит: найдет крутую. Потому что, когда переехал в Москву, его сразу же пригласил «один знакомый» администратором в клуб, Ваня за 2 месяца заработал 150 тысяч рублей (ох, тут он что-то темнит. Как и с подаренным айфоном…) Правда, эти тысячи все разошлись. И ему от меня нужен единственный совет: как в Москве заработать быстро и много. И я могу рассказать, конечно, про свои восемь или десять работ; про то, что билеты в поезд я беру на верхнюю полку и за месяц вперед (так купе выходит по цене плацкарты), и что пасту я готовлю с куриной грудкой, а не с индейкой (курица вдвое дешевле, а специи и соус нивелируют вкус). Еще я могу рассказать, чему меня научила жизнь на Западе. Только будет ли Ваня слушать?

Вот есть у меня в Париже друг Кристоф. 32 года, телеведущий на France 24, сам из богатой бельгийской семьи: мы познакомились в Лондоне, оба работали на Би-Би-Си (там, кстати, на курсах для новобранцев нас учили тому, где дешевле купить велосипед ради экономии на городском транспорте, когда в Англии начинаются распродажи и в какой газете больше всего объявлений о сдаче углов и комнат в пригородах). В 31 год Кристоф купил первую машину – сильно подержанный Smart. Но купил не оттого, что «смартик» был, по нашим понятиям, смехотворно дешев, а оттого, что к нему прилагалось место на парковке под окнами за 30 евро в месяц (это программа поощрения малых автомобилей). Квартиру (30 метров, с крошкой-спальней) рядом с отелем, где жил Пруст, Кристоф снимает. В Лондоне снимал такую же кроху на двоих с подругой (в Лондоне, кстати, мальчик-девочка часто «шерят» жилье, будучи просто друзьями – в одиночку не потянуть). Но в этом году Кристоф решил квартиру купить. Денег (часть накоплена, часть дают в долг родители, часть – банк) хватит лишь на недвижимость на окраине, куда, впрочем, он не намерен переезжать: он хочет новую квартиру сдавать, уменьшая расходы на аренду. Костюмов, рубашек, галстуков, туфель у Кристофа полно: их оплачивает телевидение. А повседневной одежды (но буржуазного качества) – впритык: ее он покупает на распродажах сам. И еще знает все дешевые и вкусные рестораны в своем аррондисмане. Это – типично для прижимистого франкофона: найти дешевое и классное (вино, кино, жилье). При этом с негодованием отвергать дешевое и скверное.

Всю жизнь Кристоф экономит и откладывает. Его к этому приучили не только мама с папой (папа – банкир), но и вообще структура западной жизни, от школы до церкви (протестанты, лютеране – те вообще возводят экономию, бережливость, упорный труд в христианские добродетели). В Лондоне приложение по недвижимости к газете Evening Standard включает в калькуляцию цен не только выплаты моргеджа, то есть ипотеки, но и отчисления в местный Совет, а также расходы на единый проездной (чем дальше зона от центра – тем дороже). Считать, экономить, радоваться сэкономленному вовсе не стыдно: «дневник скряги» – популярная колонка в журнале. Авторы, живописующие экономию при закупке годового запаса туалетной бумаги в кэш-энд-кэрри – модные люди.

Я вовсе не хочу вздыхать на тему «два мира, два Шапиро» – ах-ах-ах, хорошо бы, как у них, да мы-то другие. Ни фига подобного: в России сегодня полностью перенята у Запада и усвоена структура потребления. Любые Ваня и Маня знают, что-почем-где, и что модно, а что нет.

Но нами, к сожалению, даже близко не изучена западная структура сбережения. У нас либо бабушкина тетрадка в клеточку с «пенсия 7462 руб., квартира 2102 руб., свет 190 руб., кефир 42 руб.» – либо пустота. Назовите хоть одну теле– или радиопередачу, хоть один раздел хоть в одном глянцевом журнале, огламуривающий не потребление, а накопление – держи карман шире! Попробуйте хоть у одного приходского батюшки получить совет на

тему, на чем сэкономить при покупке еды молодой дурочке, залетевший по недосмотру, чтобы это не повредило плоду – получите в ответ про чистоту души и тела, но не совет. В каждой школе преподают ОБЖ – но попробуйте в этих основах безопасности жизни разыскать хоть намек на финансовую безопасность. А финансовые консультанты с удовольствием расскажут, как вложить и преумножить капитал – но не из каких крох его сложить, пока в руках действительно крохи.

Каково будущее у Кристофа – примерно понятно. Он сделает отличную карьеру, он рачителен и аккуратен, он не забывает страховаться от проблем (год назад приезжал в Петербург и, как назло, сломал ногу – наложение лангетки обошлось под 1000 евро в «Европейском медицинском центре», но все покрыла страховка). А будущее Вани и Мани понятно приблизительно. Нередко эти Вани и Мани исчезают из Москвы, возвращаются в родительские квартиры, где, по крайней мере, есть ужин, комната и, в перспективе – наследство. А иногда, действительно, удивительным образом богатеют, и даже перезванивают мне, и зовут на ужин в стейк-хаус, гордо демонстрируя с свои 20-с-небольшим лет шмотки от Gucci и внедорожник под окнами. Но потом, расслабившись, рассказывают то, что никогда не расскажут родителям: какой ценой расплатились за этот мгновенный взлет. И, поверьте в лучшем случае там будет одиночество и тоска (от того, что тачка есть, а счастья нет), а в худшем – шантаж или ВИЧ.

Я смотрю на Ваню и прошу официанта принести счет.

Чайничек чаю с чабрецом в модном московском кафе стоит чудовищные для меня 400 рублей.

Я оставляю Ване свою электронную почту, 1000 рублей денег и ухожу.

2011

17. Homo Postsoveticus// О том классе, который в России заменяет западный middle class

(Опубликовано в «Огоньке» http://kommersant.ru/doc/1826855)

«Класс» – слово бессмысленное вне целей того, кто вкладывает в этот лингвистический пирожок начинку. Революционерам потребен эксплуатируемый класс, маркетологам – миддл-класс. Ну, а мне в России любопытен HPS, Homo postsoveticus.

Что ни говори, а тон жизни в СССР задавался никакими не рабочим классом, колхозным крестьянством или трудовой интеллигенцией, – а совком, Homo soveticus. Этот тип, как жук-скарабей, умудрялся уютно прилаживать свою жизнь к навозной куче, – кричал «ура» на первомайской демонстрации, пил водку, вешал на стенку чеканку, добывал голубой чешский кафель и верил, что в Америке притесняют негров. А сейчас его наследник вступает на работе в партию жуликов и воров, дома ругает жуликов и воров (занявших все места на парковке под окнами), мечтает об отдыхе в Таиланде, ненавидит передачи с «Ксюшей» Собчак (но смотрит), а в машине врубает группу «Банд'эрос». Не претендуя на полноту картины, хочу все же кое-какие свойства класса описать.

Статус

Главное, что отличает postsoveticus от предшественника – это не открытость взгляда, не известная смелость в выборе стиля жизни, а озабоченность статусом. Если бы книгу британского популяризатора философии Алена де Боттона «Тревога статуса» («Status Anxiety») перевели на русский – стала бы бестселлером.

Хотя, может, и не стала бы, поскольку тревоги постсоветикуса не в том, достаточно ли он уделяет времени детям, аккуратно ли постригает газон и что скажут по этому поводу соседи, – а в том, убедительное ли он производит впечатление крутизны. Все ли поверили в этот обман. То есть, прибегая к аналогиям из «Кин-дза-дзы», постсовок, нося зеленые штаны, мучительно мечтает о желтых, потому что перед их обладателем пацаки приседают и говорят «ку!» не один, а два раза.

Иногда это происходит наглядно: офисный планктон поголовно жаждет однажды одеться в Hugo Boss, среднее звено – в Brioni, а высшее – заказать индпошив на Сэвил-роу; и все поголовно – грезят о швейцарских часах. Причем обладатель кварцевых Tissot страдает от отсутствия механических Omega, и так до бесконечности. Но носить дешевенький «свотч» (как британская королева) или 50-долларовый «таймекс» (как младший Буш) они не станут ни за какие коврижки: вдруг не за тех примут (то есть примут как раз за тех). Отсюда же и пресловутая 24-часовая нарядность постсоветских женщин, способных и на пикник на траве поехать на шпильках: «Мы – королевы».

Автомобили

Главный тотемный предмет в среде HPS – автомобиль. Как сказал мой друг, модный фотограф Пабло, вылезая из бегемотистой Toyota Land Cruiser: «Машина, батяня, должна быть большой и черной, иначе в этой стране ты никто».

Потому главный враг постсовка, ненавидимый им до налитых кровью глаз – это гаишник. Не оттого, что гаишник – типичный совок. И не потому, что берет взятки: все взятки, суммарно выплаченные за всю жизнь гаишникам, вряд ли превысят размер денег, данных военкому или члену приемной комиссии вуза. Но гаишник, остановив крутого постсовка на черном «лэндкрузере» (да хоть и на «рэнджровере»), мгновенно показывает, что его статус – ничто. Что на самом деле Homo postsoveticus – лагерная пыль, и любой слуга государев сделает с ним, что угодно.

Постсовка бесполезно убеждать, что большой город и большой автомобиль несовместимы; что в городе передвигаться разумнее на велосипеде или метро. «Лучше три часа в пробке, чем час позора в метро» – отличительный знак Homo postsoveticus moscovitus.

Оно и понятно: HPS детство и юность провел в очередях – и теперь обменял время, бессмысленно теряемое в очередях, на время, бесполезно убиваемое в пробках. Для него это – выгодный обмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.